

ISSN: 2949-1088
№ 3(7), 2023 г.

THE
ART
OF LAW

ИСКУССТВО
ПРАВОВЕДЕНИЯ

ИРКУТСК

ИСКУССТВО ПРАВОВЕДЕНИЯ.
THE ART OF LAW.
2023. № 3 (7)

Учредитель: Федеральное государственное
казенное образовательное учреждение
высшего образования «Университет
прокуратуры Российской Федерации»

СЕТЕВОЕ ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ
(ЖУРНАЛ)

Зарегистрирован в Федеральной службе по
надзору в сфере связи, информационных
технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)
серия Эл № ФС77-83575
от 13 июля 2022 г.

Издаётся с сентября 2022 года.
Выходит 4 раза в год.

Адрес редакции, издателя, типографии:
ул. Шевцова, 1, Иркутск, 664035
тел. (3952) 77-90-11
<https://iagprf.org>
e-mail: theartoflaw@iagprf.org
© Университет прокуратуры Российской
Федерации, 2023

THE ART OF LAW.
2023. No 3 (7)

Founder: Federal State Treasury Educational
Institution of Higher Education "University of
the Prosecutor's Office of the Russian
Federation"

ONLINE PERIODICAL
(JOURNAL)

Registered with the Federal Service for
Supervision of Communications, Information
Technologies and Mass Communications
(Roskomnadzor)
series El No. ФС77-83575
July 13, 2022

Published from September 2022.
Published 4 times a year.

Address of the editorial office, publisher,
printing house:
1, st. Shevtsova, Irkutsk, 664035
tel. (3952) 77-90-11
<https://iagprf.org>
e-mail: theartoflaw@iagprf.org
© University of the Prosecutor's Office of the
Russian Federation, 2023

Редакционная коллегия

Главный редактор журнала:

Рогова Евгения Викторовна – доктор юридических наук, профессор, заместитель директора Института.

Заместитель главного редактора журнала:

Пархоменко Светлана Валерьевна – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин Института.

Ответственный секретарь:

Агафонов Артем Сергеевич – кандидат юридических наук, доцент кафедры прокурорского надзора и участия прокурора в рассмотрении гражданских и арбитражных дел Института.

Члены редакционной коллегии:

Бавсун Максим Викторович – доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации, заместитель начальника Санкт-Петербургского университета МВД России по научной работе;

Бозров Владимир Маирович – доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации, заведующий кафедрой судебной деятельности и уголовного процесса Уральского государственного юридического университета имени В. Ф. Яковleva;

Варданян Акоп Вараздатович – доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, начальник кафедры криминалистики и оперативно-разыскной деятельности Ростовского юридического института МВД России;

Винокуров Александр Юрьевич – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры международного сотрудничества в сфере прокурорской деятельности, обеспечения представительства и защиты интересов Российской Федерации в межгосударственных органах, иностранных и международных (межгосударственных) судах, иностранных и международных третейских судах (арбитражах) Университета прокуратуры Российской Федерации;

Головко Леонид Витальевич – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного процесса, правосудия и

прокурорского надзора Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова;

Грибунов Олег Павлович – доктор юридических наук, профессор, первый проректор – проректор по научной работе Байкальского государственного университета;

Звечаровский Игорь Эдуардович – доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации, заведующий кафедрой уголовного права Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина;

Игнatenко Виктор Васильевич – доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации, ректор Байкальского государственного университета;

Косова Ольга Юрьевна – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского и предпринимательского права Иркутского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России);

Минникес Илья Анисимович – доктор юридических наук, доцент, заведующий отделом теории права и сравнительного правоведения Института правовых исследований Байкальского государственного университета;

Николюк Вячеслав Владимирович – доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, главный научный сотрудник Центра исследования проблем правосудия Российского государственного университета правосудия;

Пупышева Любовь Андреевна – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного процесса Омской академии МВД России;

Россинская Елена Рафаиловна – доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, заведующий кафедрой судебных экспертиз Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина;

Россинский Сергей Борисович – доктор юридических наук, доцент, главный научный сотрудник Сектора уголовного права, уголовного процесса и криминологии Института государства и права Российской академии наук.

Editorial Board

Chief Editor:

Evgeniya V. Rogova – Doctor of Law, Professor, Deputy Director of the Irkutsk Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation.

Deputy Chief Editor:

Svetlana V. Parkhomenko – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Criminal Law Disciplines of the Irkutsk Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation;

Executive Secretary:

Artem S. Agafonov – Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Prosecutorial Supervision and Prosecutor Participation in Civil and Arbitration Cases of the Irkutsk Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation.

Editorial Board:

Maxim V. Baysun – Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Deputy Head for Scientific Work of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

Vladimir M. Bozrov – Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Head of the Department of Judicial Activity and Criminal Procedure of the V.F. Yakovlev State Ural Law University;

Acop V. Vardanyan – Doctor of Law, Professor, Honoured Lawyer of the Russian Federation, Head of the Department of Criminalistics and Operational Search Activity of the Rostov Law Institute of the MIA the Russian Federation;

Alexander Y. Vinokurov – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of International Cooperation in the Field of Prosecutor's Activities, Ensuring Representation and Protection of the Interests of the Russian Federation in Interstate Bodies, Foreign and International (Interstate) Courts, Foreign and International Arbitration Courts (Arbitrations) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation;

Leonid V. Golovko – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Criminal Procedure, Justice and Prosecutorial Supervision of Lomonosov Moscow State University;

Oleg P. Gribunov – Doctor of Law, Professor, First Vice-Rector – Vice-Rector for Scientific Work of Baikal State University;

Igor E. Zvecharovsky – Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Head of the Department of Criminal Law of the Kutafin Moscow State Law University;

Viktor V. Ignatenko – Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Rector of the Baikal State University;

Olga Y. Kosova – Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Civil and Business Law of the Irkutsk Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia);

Ilya A. Minnikes – Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Department of Theory of Law and Comparative Jurisprudence of the Institute of Legal Studies of the Baikal State University;

Vyacheslav V. Nikolyuk – Doctor of Law, Professor, Honoured Lawyer of the Russian Federation, Chief Researcher at the Center for the Study of Justice Issues of the Russian State University of Justice;

Lyubov A. Pupysheva – Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Criminal Procedure of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation;

Elena R. Rossinskaya – Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Head of the Department of Forensic Examinations of the O.E. Kutafin Moscow State Law University;

Sergei B. Rossinsky – Doctor of Law, Associate Professor, Chief Researcher of the Sector of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminology of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences.

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ (ЮРИДИЧЕСКИЕ)

Захаркина А. В. К вопросу о модели правовой политики	6
Синиченко В. В. Правовые нормы Российской империи и оплата труда военнопленных в годы Первой мировой войны (на примере Восточной Сибири)	11

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ (ЮРИДИЧЕСКИЕ)

Лащёнов М. С., Пономарев П. А. Коммуникативная компетентность руководителя органа внутренних дел как важный элемент его управленческой деятельности.....	18
--	----

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ (ЮРИДИЧЕСКИЕ)

Дондоков Ж. Д. К проблеме права оперативного управления учреждений, являющихся органами публичной власти	23
Сенотрусова Е. М. Принудительная выплата компенсации в счет доли в праве собственности на жилое помещение	31

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ (ЮРИДИЧЕСКИЕ)

Антонова Е. Ю. Особенности уголовной ответственности лиц, привлекаемых к участию в специальной военной операции: новый вектор уголовно-правовой политики или уголовное законодательство военного времени?.....	37
Демидова-Петрова Е. В. Криминологическая матрица познания личности несовершеннолетнего преступника	43
Закомолдин Р. В., Данилов П. С. Воинская обязанность как объект уголовно-правовой охраны и преступных посягательств	49
Ибрагимова А. М. К вопросу о необходимости системного толкования норм об исчислении сроков разрешения жалоб в уголовном процессе	57
Федорова Е. Л. Особенности квалификации превышения полномочий частным детективом или работником частной охранной организации, имеющим удостоверение частного охранника, при выполнении ими своих должностных обязанностей.....	64

CONTENTS**THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES (LEGAL)**

<i>Zakharkina A. V.</i> On the issue of legal policy model.....	6
<i>Sinichenko V. V.</i> Legal norms of Russian empire and remuneration of prisoners of war during the first world war (on the example of Eastern Siberia).....	11

**PUBLIC LAW (STATE LAW)
SCIENCES (LEGAL)**

<i>Laschenov M. S., Ponomarev P. A.</i> Communicative competence of the head of internal affairs body as an important element of his management activities	18
--	----

**PRIVATE LAW (CIVILITY)
SCIENCES (LEGAL)**

<i>Dondokov Z. D.</i> On the issue of the right of operational management of foundations – public authorities.....	23
<i>Senotrusova E. M.</i> Compulsory payment of compensation for a share in the ownership of dwelling.....	31

**CRIMINAL LEGAL SCIENCES
(LEGAL)**

<i>Antonova E. Y.</i> Peculiarities of criminal liability of persons involved in a special military operation: a new vector of criminal law policy or wartime criminal legislation?	37
<i>Demidova-Petrova E. V.</i> Criminological matrix of knowing the personality of a juvenile offender.....	43
<i>Zakomoldin R. V., Danilov P. S.</i> Military liability as an object of criminal legal protection and criminal attractions.....	49
<i>Ibragimova A. M.</i> On the issue of the necessity of systemic interpretation of rules on the calculation of terms for resolution of complaints in criminal procedures.....	57
<i>Fedorova E. L.</i> Features of qualifications for exceeding power by a private detective or an employee of a private security organization with a private guard certified in the performance of their official duties.....	64

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ (ЮРИДИЧЕСКИЕ)

УДК 340.114

Захаркина Анна Владимировна,
доцент кафедры теории и истории государства и права
Пермского государственного национального исследовательского университета,
кандидат юридических наук,
Букирева, 15, г. Пермь, Россия, 614990,
e-mail: AnnaVladimirovna2009@yandex.ru

К ВОПРОСУ О МОДЕЛИ ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ

Аннотация. В статье освещается авторский взгляд на методологический прием, позволяющий эффективно изучить структуру правовой политики. Смысл соответствующего приема заключается в рассмотрении правовой политики через призму ее модели, то есть идеального образа правовой политики с помощью характеристики ее составных элементов: субъектов, объектов, содержания и формы. Сделан вывод о том, что в отсутствие определенности относительно этих компонентов модели правовой политики невозможно ее эффективное регулятивное воздействие на общество.

Ключевые слова: правовая политика, правовая жизнь, правовая стратегия, правовая тактика, модель правовой политики.

Zakharkina Anna Vladimirovna,
Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law
Perm State National Research University,
Candidate of Legal Sciences,
Bukireva, 15, Perm, Russia, 614990.
e-mail: AnnaVladimirovna2009@yandex.ru

ON THE ISSUE OF THE LEGAL POLICY MODEL

Annotation. The article highlights the author's view of a methodological technique that allows one to effectively study the structure of legal policy. The meaning of the corresponding technique is to consider legal policy through the prism of its model, that is, the ideal image of legal policy through the characteristics of its constituent elements: subjects, objects, content and form. It is concluded that in the absence of certainty regarding these components of the legal policy model, its effective regulatory impact on society is impossible.

Key words: legal policy, legal life, legal strategy, legal tactics, legal policy model.

Изучение правовой политики как правового явления, кроме познания ее определения, зачастую происходящего в рамках сформировавшихся в теории права концепций, также предполагает формирование представления о ее структуре. Изучение структуры правовой политики – достаточно редкое явление для

современных теоретико-правовых исследований.

Попытку изучения структуры правовой политики предпринял В. А. Рудковский, который предложил использовать для соответствующей характеристики такое известное юридической науке понятие, как «состав». Так, этот термин находит воплощение применительно к составу

правонарушения, составу правомерного поведения [4, с. 59–86], составу правоотношения.

Эвристический потенциал модели правовой политики заключается в том, что она позволяет сформировать идеальный образ теории объекта [5, с. 123]. Сложный системный характер такого явления, как правовая политика, становится доступным для восприятия благодаря его моделлизации.

Элементами модели правовой политики являются следующие структурные компоненты: субъект, объект, содержание и форма реализации. Очевидна некоторая схожесть модели правовой политики и состава правоотношения. Однако такая схожесть является кажущейся в силу специфики правовой политики как особого правового явления.

Субъекты правовой политики – это акторы, творческим трудом которых создается правовая политика. Как верно заметил И. А. Ильин, правовая политика «творится мыслящими субъектами и для мыслящих субъектов» [1, с. 168]. Правовая политика – это творческий результат целенаправленной деятельности указанных акторов и процесс такой деятельности должен быть определён ее объект, то есть часть правовой жизни, намеренно подвергающаяся преобразующему воздействию со стороны субъектов правовой политики.

Содержание правовой политики представляет собой совокупность взаимосвязанных и взаимозависимых компонентов, включая цели, задачи, принципы, средства и методы деятельности акторов, создающих правовую политику. Как и любое правовое явление, правовая политика требует оформления, то есть заключения ее содержания в определенные объективированные рамки.

Вопрос о субъектах правовой политики относится к разряду крайне дискуссионных, что обусловлено отсутствием единого представления об

акторах такой деятельности. Так, в проекте Концепции правовой политики РФ предлагалось признать субъектами правовой политики всех участников социально-политической деятельности [3, с. 280–284]. Признавая всех участников общественно-политической жизни реальными субъектами-творцами правовой политики, следует подчеркнуть их неравнозначный характер в части реализации возможности по действительному воздействию на правовую политику действующего государства. Очевидно, что в структуре субъектов правовой политики могут быть выделены такие субъекты, которые имеют решающее воздействие на формирование актуальной правовой политики [2, с. 17]. В научной литературе совершенно справедливо отмечается, что главные акторы правовой политики – это лица, определяющие основные тенденции и параметры функционирования правового регулирования в общегосударственном масштабе. Понятно, что таковыми являются высшие органы государственной власти Российской Федерации. При этом один субъект правовой политики не в состоянии определить направления функционирования правового регулирования в общегосударственном масштабе. Такая деятельность носит согласованный характер и существенно отличается по уровням реализации. Очевидно, что кроме федеральной правовой политики, следует выделять правовую политику субъекта РФ, муниципального образования или даже конкретного органа государственной власти. Субъекты правовой политики могут быть дифференцированы по политико-правовому статусу на реальных и потенциальных. Однако еще большее значение имеет деление субъектов правовой политики на лиц, ответственных за такую деятельность, и лиц, не несущих ответственности за концептуализацию правовой политики.

Модель правовой политики во многом зависит от того, кому в том или ином государстве поручено ее осуществление. Стало быть, основными акторами правовой политики выступают такие ее субъекты, для которых формирование правовой политики является смыслом его профессиональной деятельности и за которую такие лица несут ответственность. Интересно, что принадлежность государства к определённой правовой семье влияет на субъектный состав профессиональных акторов правовой политики. Так, в странах англо-саксонской правовой семьи в правовой политике задействованы, прежде всего, представители судебского сообщества. А в странах романо-германской правовой семьи основными участниками правовой политики выступают парламентарии. Анализ субъектного состава правовой политики позволяет сделать вывод о его типе – авторитарный либо демократический.

Эффективность правовой политики во многом зависит от корректности определения ее объекта: безобъектной правовой политики быть не может. Связь правовой политики и ее объекта носит двусторонний характер: с одной стороны, порядок регулятивного воздействия на объект осуществляется путем разработки определённой правовой политики и ее претворении в жизнь, а с другой стороны – объект предопределяет содержание и даже модель правовой политики. В теоретико-правовой литературе отсутствует единство взглядов по вопросу о том, что выступает объектом правовой политики. Так, на этот счет предлагаются разные суждения, в том числе следующие: правовая система, механизм правового регулирования, правовая жизнь, правовая сфера и т. д. Анализ представленных и некоторых иных формулировок объекта правовой политики позволяет заключить, что соответствующая дискуссия строится преимущественно вокруг удачности/неудачности предлагаемых словоупотреблений,

поскольку с содержательной точки зрения достигнуто единство представлений о том, что правовая политика направлена на правовые явления.

Очевидно, что универсальное определение объекта правовой политики будет отличаться таким недостатком, как его крайняя абстрактность. Конкретизация объекта правовой политики становится возможной при условии его дифференциации с позиции специализации. В этом смысле объект правовой политики может быть разделен на общий и специальный. При этом в рамках специального объекта правовой политики может быть выделен непосредственный объект правовой политики.

К примеру, выяснение объекта правовой политики, направленной на упорядочение экологических отношений в сфере лесного хозяйства Пермского края, может быть осуществлено следующим образом: общий объект такой правовой политики – государственная экологическая политика, специальный – государственная лесная политика в сфере правотворчества, а непосредственный – экологические правоотношения в сфере лесного хозяйства Пермского края. Предложенная градация не претендует на статус «универсальной»: ее методологическое значение состоит в демонстрации многослойности объекта правовой политики. В теории права наряду с объектом правовой политики, выделяют также ее предмет. При этом под предметом правовой политики чаще всего понимается конкретная деятельность, действующая на объект правовой политики. Например, в качестве предмета правовой политики в рамках выше приведенного примера может быть обозначена деятельность Законодательного собрания Пермского края.

Содержание правовой политики в некотором роде специфично. При широкой трактовке содержания правовой политики, под ним следует понимать совокупность общественных отношений, направленных на официальное признание и

действительную реализацию определенных интересов в качестве юридически значимых. При узкой трактовке содержания правовой политики последняя может быть полностью сведена к стратегии деятельности государства в правовой сфере.

Содержание правовой политики выступает самым динамичным элементом правовой политики, поскольку актуализируется сообразно историческому этапу развития каждого общества и государства. В содержание правовой политики в качестве главных структурных компонентов входят стратегия и тактика. В рамках настоящего теоретико-правовое исследования мы говорим о стратегии и тактике в их абстрактном значении, хотя в действительности и стратегия, и тактика вполне конкретны, поскольку они обусловлены объектом правовой политики и, как следствие, конкретной предметной сферой.

В качестве основного нормативно-правового акта, регламентирующего порядок формализации правовой политики в рамках конкретных актов, выступает Федеральный закон РФ от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации»¹. В этом акте предложены разнообразные формы, которые могут быть использованы для объективации правовой политики. Нередко такие акты в конкретных предметных отраслях получают однотипное наименование – стратегии. К примеру, в Российской Федерации действует «Стратегия экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года»², утвержденная Указом Президента РФ от 19 апреля 2017 г. № 176.

В отличие от тактики, определяющей средства, приемы, методы и способы претворения стратегической цели и задач в жизнь, стратегия более стабильна,

поскольку, как правила, рассчитана на долгосрочную перспективу и конкретные ожидаемые результаты. В свою очередь тактика значительно более динамична: она «подстраивается» под изменяющиеся условиях, детерминированные определенным этапом (или его отдельными характеристиками) жизнедеятельности общества. Так, цифровизация общества, безусловно, вносит изменения в общественную жизнь, поэтому в таких условиях будет скорректирована тактика реализации правовой политики в некоторых сферах жизнедеятельности.

Наконец, четвертым элементом модели правовой политики выступает форма ее реализация, относящаяся к числу наиболее дискуссионных аспектов исследуемой тематики. К сожалению, форма правовой политики не становилась предметом основательных теоретических научных изысканий, хотя отдельные замечания на этот счет все-таки в научной литературе встречаются. В одних работах под формами правовой политики предлагается понимать конкретные проявления правовой политики (правотворческая, правоприменительная, доктринальная и др.), в других – конкретные виды политico-юридической деятельности (правотворчество, правореализация, правовое воспитание), в третьих – виды реализации права (исполнение, использование, применение, соблюдение). При этом стоит признать, что правовая политика реализуется в рамках этих форм неравномерно: очевидно, что наибольший потенциал правовой политики проявляется через такие ее формы, как правотворчество и правоприменение.

Таким образом, познание правовой политики в наиболее эффективном виде возможно при помощи «модельного» методологического приёма, для которого характерно создание идеального образа правовой политики через призму характеристик его составных элементов:

¹ О стратегическом планировании в Российской Федерации: Федеральный закон РФ от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ : ред. от 31 июля 2020 г. // Собрание законодательства РФ. 2014. № 26 (часть I). Ст. 3378.

² О Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года : указ Президента РФ от 19 апреля 2017 г. № 176 // Собрание законодательства РФ. 2017. № 17. Ст. 2546.

субъектов, объектов, содержания и формы. Думается, что в отсутствие определённости относительно этих компонентов модели правовой политики невозможно ее эффективное регулятивное воздействие на общество.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ильин И. А. Теория права и государства. Москва : Зерцало-М, 2003. 550 с.
2. Коробова А. П. Правовая политика: понятие, формы реализации, приоритеты современной России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2000. 27 с.
3. Матузов Н. И., Малько А. В., Шундиков К. В. Правовая политика современной России: предлагаем для обсуждения проект концепции // Правовая политика и правовая жизнь. 2004. № 1. С. 6–27.
4. Уздимаева Н. И. Правомерное поведение: понятие, квалификация, мотивы. Саратов : Изд-во ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2006. 200 с.
5. Черданцев А. Ф. Логико-языковые феномены в праве, юридической науке и практике. Екатеринбург : Наука, 1993. 189 с.

УДК 340.15

Синиченко Владимир Викторович,
главный научный сотрудник отдела исследования стратегических проблем
управления НИЦ Академии управления МВД России,
доктор исторических наук, профессор,
ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8, г. Москва, Россия, 125993,
e-mail: v.v.sinichenko@bk.ru
ORCID: 0000-0001-9384-2175

**ПРАВОВЫЕ НОРМЫ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ И ОПЛАТА ТРУДА
ВОЕННОПЛЕННЫХ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ
(НА ПРИМЕРЕ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ)**

Аннотация. Статья посвящена анализу Правил и распоряжений, изданных Управляющим Иркутского переселенческого района Главного управления землеустройства и земледелия (Министерства Земледелия) по использованию труда военнопленных на территории Иркутского генерал-губернаторства в 1915-1916 гг. Делается вывод, что к апрелю 1915 г. имперские власти сформировали свод правил по использованию труда военнопленных при выполнении казенных и общественных работ в тыловых районах российского государства. Опираясь на эти постановления, провинциальные власти стали использовать труд военнопленных при выполнении дорожных, строительных и сельскохозяйственных работ. В процессе эксплуатации труда военнопленных провинциальные власти были вынуждены детализировать положения имперского законодательства, определяющие порядок начисления заработной платы военнопленным.

Ключевые слова: Первая мировая война, военнопленные, труд, заработка плата, Правила, охрана.

Sinichenko Vladimir Viktorovich,
Chief Researcher, Strategic Issues Research Department
Department of the Scientific Research Center of the Academy of Management
of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Doctor of Historical Sciences, Professor,
st. Zoya and Alexandra Kosmodemyanskikh, 8, Moscow, Russia, 125993,
e-mail: v.v.sinichenko@bk.ru
ORCID: 0000-0001-9384-2175

**LEGAL NORMS RUSSIAN EMPIRE AND REMUNERATION OF PRISONERS OF
WAR DURING THE FIRST WORLD WAR (ON THE EXAMPLE OF EASTERN SIBERIA)**

Annotation. The article is devoted to the analysis of the Rules and orders issued by the Manager of the Irkutsk Resettlement District of the Main Directorate of Land Management and Agriculture (Ministry of Agriculture) on the use of prisoner of war labor in the territory of the Irkutsk Governor-General in 1915-1916. It is concluded that by April 1915 the imperial authorities had formed a set of rules for the use of prisoner of war labor in the performance of state and public works in the rear areas of the Russian state. On the basis of these regulations, the provincial authorities began to use the labor of prisoners of war in the performance of road, construction and agricultural work. In the process of exploiting the labor of prisoners of war, the provincial authorities were forced to detail the provisions of imperial legislation governing the calculation of wages for prisoners of war.

Key words: World War I, prisoners of war, labor, wages, rules, security.

Анализ деятельности российских властей по использованию труда военнопленных проводился как в конкретных историко-правовых исследованиях [см.: 1 ; 4 ; 11 ; 13 ; 14] ; так и изучался российскими исследователями в общем комплексе вопросов ; связанных с пленом [2 ; 3 ; 5 ; 6 ; 7 ; 8 ; 9 ; 10 ; 12 ; 15 ; 16].

Исследователи отмечали, что правовой основой привлечения военнопленных к труду были положения, принятые на Гаагской конференции 1907 г. в «Конвенции о законах и обычаях сухопутной войны» (далее Конвенции). Так, согласно статье 6 военнопленных (за исключением офицеров) было разрешено привлекать к хозяйственным работам. Вместе с тем та же самая Конвенция запрещала привлекать пленных для изнурительных работ и труда, имеющего отношение к боевым действиям. «Изнурительность работ» как правовой фактор ограничения труда военнопленных объяснялась тем, что предполагалось, что многие пленные подорвали своё здоровье во время плена, и таких работников невозможно было использовать в полную силу на тяжелых, требующих существенных физических усилий, работах¹.

Однако, как показала практика, в годы войны были случаи привлечения на работы раненых и больных военнопленных. Но в данной статье автор затронет узкую сферу оплаты труда военнопленных и постарается объяснить какие недостатки нормативных актов позволяли работодателям Российской империи нарушать общепринятые положения принятого на тот момент международного законодательства.

Важным элементом Конвенции было то, что труд военнопленных не мог быть даровым. Статья 6 Конвенции гласила: «Заработка пленных назначается на

улучшение их положения, а остаток выдается им при освобождении, за вычетом расходов по их содержанию»².

Отметим, что первый раз общее положение о трудовой занятости пленных в тыловых районах России появилось 16 сентября 1914 г. Тогда Советом Министров Российской империи были утверждены «Правила о порядке предоставления военнопленных, для исполнения казенных и общественных работ, в распоряжение заинтересованных в том ведомстве».

Эти Правила были детализированы в циркулярном распоряжении Министра внутренних дел от 13 октября 1914 года за № 51. Согласно этому акту, военнопленные нижние воинские чины могли работать на дорожно-строительных, мостостроительных и разных земляных работах.

В продолжение этой инициативы 28 февраля 1915 г. императором Николаем II, были высочайше утверждены «Правила об отпуске военнопленных на сельскохозяйственные работы» [14, с. 138–146].

На основании этого нормативного акта Главное управление землеустройства и земледелия Российской империи (далее ГУЗИЗ) 28 апреля 1915 г. согласовало «Правила применения в Иркутском переселенческом районе труда военнопленных для землеотводных, гидротехнических, дорожных и других работ».

Таким образом к весне 1915 г. законодателем для администрации Иркутского генерал-губернаторства была сформированы основы правовой базы использования труда военнопленных. Как видно из архивных материалов, это решение создало перед администрацией Иркутского генерал-губернаторства задачу

¹ Приложение к IV Гаагской конвенции 1907 г. Положение о законах и обычаях сухопутной войны // Сборник международных конвенций и

правительственных распоряжений о военнопленных / сост. Г. П. Альбат. Москва, 1917. С. 23–31.

² Там же. С. 24.

формирования механизма реализации вышеуказанной нормы.

Прежде всего, 22 мая 1915 г. местным отделением Главного управления землеустройства и земледелия были подготовлены «Правила применения в Иркутском переселенческом районе труда военнопленных для землеотводных, гидротехнических, дорожных и других работ».

Правила гласили, что после получения от военного ведомства разрешения на использование труда военнопленных заведующий землеустройством и переселением назначал уполномоченных для выбора и приёма их в местах отправки.

Уполномоченные заведующим землеустройством и переселением лица принимали военнопленных в одежде от военного ведомства по именному списку, который подписывался принимающим и сдающим. В упомянутом списке отмечалось здоровье военнопленных и состояние одежды, в которой они были приняты.

По получении военнопленных, уполномоченные лица немедленно сообщали заведующему землеустройством и переселением, сколько пленных принято, в какие области и районы они были отправлены на работы.

Принявшие военнопленных были обязаны доставить их к месту работ, снабжать их продовольствием по нормам русских нижних воинских чинов, оказывать военнопленным необходимую медицинскую помощь, поддерживать их одежду и обувь в надлежащем состоянии, а в случае необходимости снабжать дополнительной одеждой в соответствии с условиями климата и работ¹.

Кроме того, уполномоченные ГУЗиЗ было обязаны организовать охрану военнопленных, вести точный расчёт расходов по содержанию военнопленных и заработной платы за работы, возвратить пленных по первому требованию военного начальства в концентрационные лагеря.

¹ ГАИО. Ф. 172. Иркутская поземельно-строительная партия, г. Иркутск Оп. 1. Д. 193. Л.17-23.

По железной дороге военнопленные перевозились в вагонах IV класса, а по дорогам грунтовым перевозился лишь багаж военнопленных, сами же они шли к месту работы пешком.

О времени прибытия военнопленных на место работ должны были быть проинформированы: исправник, районный пристав, урядники, старшины, старосты, сотские или десятские.

Эти лица были обязаны в случае побега военнопленных с места работ вести их розыск и производить задержание.

В случае смерти военнопленного, побега с места работ, эпидемии и иных происшествий с ними, любой заведующий работами – топограф, техник, гидротехник, десятник, – одновременно с уведомлением об этом местных властей сообщал информацию о происшествии заведующему местным Управлением землеустройства и переселения.

Военнопленные должны были довольствоваться из общего котла, как было принято у русских сельскохозяйственных рабочих. Если же организовать так питание было невозможно, при согласии военнопленных, им должны были выдаваться пайки, соответственно условиям каждой местности, но стоимостью не более тридцати шести копеек в сутки².

Общее руководство охраной военнопленных было отнесено к ведению местной полиции.

Для помещения военнопленных на месте работ Правила не требовали возведение каких-либо постоянных зданий. Правила предписывали сооружение временных бараков, землянок, использование палаток.

Каждому военнопленному выдавалась на руки рабочая книжка, в которой велся учет рабочих дней или количество и стоимость исполненной военнопленным работы, падающий на его долю расход по доставке к месту работ, содержанию, «окарауливанию», снабжению одеждой и

² ГАИО. Ф. 172. Оп. 1. Д. 193. Л. 24-28.

прочим, а также прописывалась остаточная сумма, выдаваемая военнопленному наличными деньгами в виде заработной платы¹.

В мае 1915 г. средняя месячная заработка плата военнопленному предположительно должна была составить в Иркутском генерал-губернаторстве – 26 руб. в месяц. Половина этих средств должна была тратиться на обязательные расходы по содержанию военнопленных. Обязательные расходы состояли из трех частей: довольствие, охрана и перевозка. Вторая половина предназначалась для выдачи на руки военнопленному.

Военнопленным, отказывающимся от работ, с разрешения лица, которому был поручен надзор за работами, денег могли не платить. В целом согласно Правил с разрешения заведующего землеустройством и переселением от общего правила оплаты труда военнопленных могли быть допущены отступления в сторону увеличения и уменьшения заработной платы, с целью материального стимулирования добросовестных работников-военнопленных.

Простейшие орудия для производства работ (топоры, пилы, лопаты, кайлы) приобретались за счёт военнопленных. Приобретённые за счёт пленных-рабочих орудия для производства работ, находились в собственности пленных, и по окончании работ должны быть проданы, а деньги за их продажу выданы военнопленным².

Делопроизводство по военнопленным, которое было обязано вести заведующий землеустройством и переселением, включало в себя следующие книги и отчётность:

1. расчётная книжка рабочего;
2. приходно-расходная книга;
3. авансовая отчётная ведомость,
4. табель рабочих³.

Как мы видим из анализа Правил от 22 мая 1915 г. они были нацелены на повышение производительности труда.

Именно поэтому Правила акцентировали внимание на мотивации военнопленных к труду. Эту мотивацию должно было породить должное обращение, надлежащие условия содержания и питания, возможное премирование за перевыполнение плана работ.

Тем не менее ряд трудовых вопросов был не урегулирован правилами от 22 мая 1915 г.

Во-первых, только 8 февраля 1916 г. за № 15 Министерство Земледелия (наследник ГУЗиЗ) приказало начальникам местных его учреждений и организаций, пользующих труд военнопленных, соблюдать правило обязательного оплачиваемого воскресного отдыха.

Главное управление Генерального штаба, в то же время, сделало внушение Штабу Иркутского военного округа о необходимости сохранения для военнопленных оплачиваемого воскресного отдыха. Как видим, ранее военнопленным, не работавшим в воскресенье, заработка плата не начислялась, равно как военнопленным не оплачивались те дни, когда они не работали по болезни или из-за непогоды⁴:

Во-вторых, долгое время, был не урегулирован вопрос о той сумме денег, что выдавался военнопленным на руки.

Согласно п. 7 Правил от 28 апреля 1915 г. и Постановления Совета Министров от 22 апреля 1915 г. местные начальники ГУЗиЗ должны были получать от военного ведомства отдельные суммы на содержание и «окаруливание» пленных. Эти суммы направлялись в общий фонд, из которого и производились расходы, но в порядке отчётности по обеим суммам велись отдельные счета⁵.

¹ ГАИО. Ф. 172. Оп. 1. Д. 193. Л. 29-30.

² ГАИО. Ф. 172. Оп. 1. Д. 193. Л. 31-32.

³ ГАИО. Ф. 172. Оп. 1. Д. 193. Л. 33-45.

⁴ ГАИО. Ф. 172. Оп. 1. Д. 202. Л. 17.

⁵ ГАИО. Ф. 173. Дорожно-строительный отдел Иркутского района землеустройства переселения, г. Иркутск. Оп. 1. Д. 116. Л. 122.

Однако уже 24 июня 1915 г. канцелярия комитета по землеустроительным делам Главного управления земледелия и землеустройства обратилось к Иркутскому генерал-губернатору по вопросу об отпуске дополнительных средств на содержание и окарауливание военнопленных, принятых от военного ведомства и отправленных в распоряжение заведующего землеустройством и переселением в Иркутской губернии на землеотводные, гидротехнические и дорожные работы.

Всего были командированы на означенные работы 393 военнопленных сроком на три месяца, однако так как военное ведомство расходы на содержание и окарауливание военнопленных не осуществляло, чиновники просили генерал-губернатора о выделении им специальной суммы «... из особо исправляемого в чрезвычайном сверхсметном порядке кредита»¹.

Кредитные деньги предполагалось использовать и как операционный кредит на закупку материалов по работам, к которым были привлечены военнопленные и как фонд заработной платы военнопленных.

По расчетам чиновников провинциального управления ГУЗиЗ специальная сумма на содержание и окарауливание военнопленных проектировалась в размере 10 рублей на военнопленного в месяц².

За эту сумму лица, использующие труд военнопленных, должны, были нанять стражников. Была подготовлена даже Инструкция «Об употреблении оружия десятниками и сторожами, которым поручен надзор за военнопленными, отпущенными на работы».

Согласно этой Инструкции десятники и сторожа, которым поручен надзор за военнопленными при производстве последними работ, могли применять оружие для отражения вооружённого нападения на них со стороны военнопленных. При этом групповое

нападение безоружных военнопленных, насильственное разрушение или разграбление ими имущества гражданских лиц и государственных учреждений приравнивалось Инструкцией к «вооруженному нападению»³.

Тем временем запрошенный в Петрограде по сметам Военного ведомства чрезвычайный сверхсметный кредит, из которого по проекту и надо было выплатить специальную сумму (п. 2 Правил), так и не был предоставлен Иркутскому генерал-губернатору и местному Управлению землеустройства и переселения.

В виду этого, Управление должно было временно производить расходы на содержание и окарауливание военнопленных путём заимствования необходимых средств (из расчёта 10 рублей на человека в месяц) из находящегося в его распоряжении сметного операционного кредита.

Более того сверх заимствования из сметного операционного кредита оно было вынуждено пользоваться для содержания и «окарауливания» военнопленных, половиной той заработной платы, которая назначена Управлением для выплаты заработной платы военнопленным⁴.

Впоследствии это деление сумм на военнопленных на разные части и разные счета порождало огромное количество проблем.

Так, в местной администрации возник спор по какому ведомству вести расход на содержание военнопленных, так как слово «содержание» присутствовало в Правилах от 16 сентября 1914 г. и 28 февраля 1915 г., накладывающем правовые обязанности как на гражданское, так и на военное ведомство.

Было признано необходимым к первой половине расхода относить все, что тратилось на содержание пленного: питание, одежду, доставку к месту работ и обратно, а ко второй половине — лишь чистый заработка военнопленного, т. е. содержание здесь понималось как сумма,

¹ ГАИО. Ф. 173. Оп.1. Д. 116. Л. 124.

² ГАИО. Ф. 173. Оп.1. Д. 116. Л. 125.

³ ГАИО. Ф. 172. Оп. 1. Д. 202. Л. 23–24.

⁴ ГАИО. Ф. 172. Оп. 1. Д. 193. Л. 47.

выдаваемая военнопленному на руки наличными деньгами сверх всяких на него расходов¹.

Понятно, что расход на содержание пленного, «окаруливание» его, доставку к месту работ и обратно значительно превышал чистый заработок пленного, т. е. ту часть заработной платы, которая доставалась ему наличными деньгами.

Поэтому проектируемый расчет на 26 руб. в месяц на военнопленного, который предполагал, что 13 руб. тот получал наличными, так и не был реализован на практике. 10 руб., как отмечалось выше шло только на «окаруливание» военнопленного и еще были расходы на его питание и экипирование, которые определялись на месте руководителем работ².

Как показывают архивные документы предприятия и лица, нанявшие военнопленных, сами устанавливали определенную плату пленным за работу.

Размер этой платы определялся после удержания стоимости продуктов питания и цены обмундирования, потраченных на военнопленных. Как мы понимаем при этом у предпринимателя всегда был соблазн увеличить расходную часть бюджета. Поэтому часто в ведомостях прописывались дополнительные расходы по содержанию пленных, как-то: ремонт одежды, перевозка военнопленных, их лечение и прочее³.

Поэтому военная и гражданская администрации впоследствии постоянно ознакамливали работодателей при выдаче им пленных с вышеуказанными Правилами, брали с них подписки об их выполнении. Однако многие предприниматели, мало обращали внимания на угрожавшие им взыскания административного порядка, эксплуатировали военнопленных, порой выплачивая им по итогам месяца 40 коп.⁴

Недостатки принятых инструкций и правил по применению труда

военнопленных, привели к смягчению установленных правил «окаруливания».

Дело в том, что на содержание стражников, по сути дела, уходил весь заработка военнопленного. С марта 1916 г. официально разрешались произвольные отступления от установленных правил при размещении, охране и использовании труда пленных. Так как «окаруливание» военнопленных значительно снижало их заработную плату, а, следовательно, и стимул к труду в Иркутском генерал-губернаторстве было принято решение возложить охрану пленных на старших рабочих, а доплату за «окаруливание» производить им из той части расходов, которая подлежала возмещению⁵.

Таким образом, в годы Первой мировой войны вопросы оплаты труда военнопленных, были во многом неурегулированными в сложившейся системе Правил и распоряжений военных и гражданских властей Российской империи. Положения Гаагской конференции 1907 г. и принятой на ней «Конвенции о законах и обычаях сухопутной войны» вводили только общий принцип оплаты труда военнопленных, а имперское законодательство сентября 1914 г. – февраля 1915 г. в общих чертах описала вопросы денежной компенсации военнопленных. Только к началу 1916 г. российские власти сформировали нормы, направленные на увеличение части заработной платы выдаваемой военнопленным на руки и предусматривающие оплату времени их воскресного отдыха.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Бондаренко Е. Ю. Иностранные военнопленные на Дальнем Востоке России в XX в (концепция проблемы) // Россия и АТР. 2002. № 4. С. 70–79.
- Васильева С. Н. Военнопленные Германии, Австро-Венгрии и России в годы Первой мировой войны : учебное пособие к спецкурсу. Москва : Альфа, 1999. 146 с.

¹ ГАИО. Ф. 172. Оп. 1. Д. 193. Л. 48.

² ГАИО. Ф. 172. Оп. 1. Д. 193. Л. 49.

³ ГАИО. Ф. 173. Оп. 1. Д. 116. Л. 78–98.

⁴ ГАИО. Ф. 172. Оп. 1. Д. 193. Л. 64.

⁵ ГАИО. Ф. 172. Оп. 1. Д. 193. Л. 67.

3. Гергилёва А. И. Военнопленные Первой мировой войны на территории Сибири : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02. Красноярск, 2006. 186 с.
4. Гордеев О. Военнопленные Первой мировой войны в Сибири (август 1914 - февраль 1917 гг.): историко-правовые аспекты проблемы // Актуальные вопросы теории и истории государства и права : сборник статей / отв. ред. С. А. Дробышевский. Красноярск : Универс, 2002. С. 30–62.
5. Иванов Ю. А. Военнопленные Первой мировой войны в российской провинции // Отечественные архивы. 2000. № 2. С. 100–103.
6. Журбина Н. Е. Военнопленные Германии на территории России в годы Первой мировой войны (1914–1918) // Вестник ВГУ. 2008. № 22. С. 230–235.
7. Иконникова Т. Я. Военнопленные Первой мировой войны на Дальнем Востоке России (1914–1918 гг.). Хабаровск : Хабар. гос. пед. ун-т, 2004. 177 с.
8. Кондратьев А. В. Щербинин П. П. Военнопленные и провинциальное общество в период Первой мировой войны // Вестник ТГУ. 2009. № 12. С. 354–357.
9. Клеванский А. Х. Военнопленные центральных держав в царской и революционной России (1914–1918 гг.) // Интернационалисты в боях за власть Советов. Москва : Наука, 1967. С. 21–65.
10. Кротт И. И. Использование труда военнопленных в предпринимательских хозяйствах Западной Сибири в годы первой мировой войны // Омский научный вестник. 2012. № 1. С. 24–28.
11. Липина С. А. Использование труда военнопленных как попытка частичного возмещения трудовых ресурсов в дореволюционный период Первой мировой войны (по материалам Вятской губернии) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 7 (13). Ч. I. С. 65–70.
12. Люкшин Д. Да, за нашими бабами ваются. Военнопленные в крестьянской России // Родина. 2002. № 10. С 24–27.
13. Ниманов Б. И. Особенности и основные факторы содержания и хозяйственной деятельности военнопленных в 1914–1917 годах в Поволжье : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Москва, 2009. 24 с.
14. Синиченко В. В. Климов А. Ю. Роль МВД России в изменении правового статуса и организации труда военнопленных в годы Первой мировой войны // Труды Академии управления МВД России. 2022. № 4. С. 138–146.
15. Смирнов Ю. И., Скрипникова М. И. Военнопленные на территории России в годы Первой мировой войны // Вестник Международного института экономики и права. 2016. № 1 (22). С. 135–139.
16. Wurzer Georg. Die Kriegsgefangenen der Mittelmächte in Russland im Ersten Weltkrieg. V&R Unipress, cop. 2005. 626 S.

**ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ)
НАУКИ (ЮРИДИЧЕСКИЕ)**

УДК 342.9

Лащенов Михаил Сергеевич,

доцент кафедры теории и методологии государственного управления

Академии управления МВД России,

кандидат социологических наук,

ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8, г. Москва, Россия, 125993,

e-mail: laschenov.m@yandex.ru

Пономарев Павел Александрович,

слушатель 2-го факультета кафедры теории и методологии государственного управления

Академии управления МВД России,

кандидат юридических наук,

ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8, г. Москва, Россия, 125993,

e-mail: ponomarev_85@mail.ru

**КОММУНИКАТИВНАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ РУКОВОДИТЕЛЯ ОРГАНА
ВНУТРЕННИХ ДЕЛ КАК ВАЖНЫЙ ЭЛЕМЕНТ ЕГО УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

Аннотация. В статье рассматривается термин «коммуникативная компетентность» и его взаимосвязь с управленческой деятельностью руководителя ОВД. Отдельное внимание уделено вопросу эффективности профессиональной деятельности руководителя ОВД при обладании необходимым уровнем коммуникативных навыков. Изложены положительные аспекты выполнения служебных обязанностей руководителем ОВД при наличии в его «арсенале» знаний и умений, в том числе и в части касающейся коммуникативной компетентности.

Ключевые слова: коммуникативная компетентность, руководитель ОВД, управленческая деятельность, управление, личностные особенности, коммуникативные навыки, эффективность.

Laschenov Mikhail Sergeevich,

Associate Professor, Department of Theory and Methodology of Public Administration

Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia,

Candidate of Sociological Sciences,

st. Zoya and Alexandra Kosmodemyanskikh, 8, Moscow, Russia, 125993,

e-mail: laschenov.m@yandex.ru

Ponomarev Pavel Alexandrovich,

student of the 2nd Faculty of the Department of Theory and Methodology of Public Administration of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia,

Candidate of Legal Sciences,

st. Zoya and Alexandra Kosmodemyanskikh, 8, Moscow, Russia, 125993,

e-mail: ponomarev_85@mail.ru

COMMUNICATIVE COMPETENCE OF THE HEAD OF THE INTERNAL AFFAIRS BODY AS AN IMPORTANT ELEMENT OF HIS MANAGEMENT ACTIVITIES

Annotation. The article discusses the term «communicative competence» and its relationship with the managerial activities of the head of the Department of Internal Affairs. Special attention is paid to the issue of the effectiveness of the professional activities of the head of the Department of Internal Affairs with the necessary level of communication skills. The positive aspects of the performance of official duties by the head of the internal affairs department in the presence of knowledge and skills in his «arsenal», including in terms of communicative competence, are outlined.

Key words: communicative competence, head of the internal affairs department, managerial activity, management, personal characteristics, communication skills, efficiency.

Происходящие в современной России социально-экономические преобразования, развитие правовых основ и организационного построения институтов гражданского общества генерируют необходимость качественного улучшения деятельности органов внутренних дел (далее – ОВД), её оптимизации. В первую очередь, в совершенствовании нуждается именно управленческая деятельность в ОВД ввиду того, что управление – это функция организационных систем, обеспечивающая сохранение определенной структуры, сохранение и поддержание режима деятельности, реализации программы, целей деятельности [1].

Однако, на сегодняшний день исследователи расходятся во мнениях, что такое управление – деятельность, процесс, способ или что-то иное [2]. Также до сих пор не существует терминологического единства для понятия «управленческая деятельность», но имеется большое количество различных определений как со стороны психологии, так и со стороны менеджмента. Так, например, Л. Ю. Левкович определяет её, как деятельность, при которой один человек влияет реально на поведение других членов через механизм власти и обеспечивает достижение коллективом поставленной цели [3]. По мнению других исследователей, управленческой деятельностью является деятельность по обеспечению совместного труда, строящегося по иерархическому (управляемому) принципу [4]. При этом

Шипош И. в своём труде указывает, что деятельность человека в управляющих системах подразделяется на такие виды управления, как управление техническими средствами (человек-машина) и управление социально-экономическими системами (человек-человек), который наиболее сложен, однако термин «управленческая деятельность» как вид профессиональной деятельности следует рассматривать только применительно ко второй системе [5]. Следует заметить, что Терещенко Н. Г. характеризует управленческую деятельность наличием функциональных связей между компонентами системы управления, которыми являются люди, занимающие должностные позиции в организации и выполняющие определенные функции [6]. Соответственно, в рассматриваемом нами вопросе особый интерес представляют отношения между руководителем ОВД и иными людьми, в том числе его подчинёнными.

В последнее время требования к руководителю ОВД изменяются, смешаются акценты на решение задач, связанных с наличием у него определённых личностных качеств и особенно навыков коммуникативной компетентности. Руководящий состав должен обладать соответствующими знаниями и умениями, позволяющими не только поддерживать на высоком уровне морально-психологическое состояние личного состава, но и разбираться в людях, эффективно влиять на их поведение,

побуждать подчиненных на эффективное решение оперативно-служебных задач, а также управлять своими эмоциями [7].

Разработка компетентностного подхода в исследованиях, посвященных различным видам деятельности, в том числе и коммуникативной, привела к появлению в научной литературе большого числа точек зрения на данный феномен. Необходимо отметить, что интерес к проблеме коммуникативной компетентности продолжает находиться в центре внимания многих отечественных ученых, таких, как Балдина М. Ю., Емельянов Ю. Н., Зимняя А. А., Изаренков Д. И., Казарцева О. М., Леонтьев А. А., Маркова А. К., Недбаева С. В., Петровская Л. А., Селиванова С. А., Сидоренко Е. В., Хайрутдинова И. В., Хуторский А. В. и др.

На наш взгляд, коммуникативная компетентность – это способность эффективно и адаптивно использовать коммуникационные навыки и стратегии в различных ситуациях общения. Она включает в себя умение слушать, говорить, писать и понимать сообщения, а также умение адаптироваться к различным культурным, социальным и контекстным факторам общения. Анализ термина «коммуникативная компетентность» отражает многосторонность взглядов и различия в интерпретации данного определения, что позволяет говорить о нем как о междисциплинарном феномене, в котором отсутствует четкая стандартизация. При этом многочисленность определений показывает, что основу коммуникативной компетентности составляют коммуникативно-речевые навыки и умения. Эти качества личности, определяющие эффективность процесса общения, приобретаются в процессе развития и воспитания, а не являются врожденными [8].

Результат работы ОВД находится в прямой зависимости от решений его

руководителя. Модель подчиненности в ОВД выстроена не сложно: она направлена на оперативное и точное выполнение приказов вышестоящих руководителей [9]. Структура ОВД предполагает ситуацию, когда руководитель является не только начальником, но и подчиненным. Коммуникативные навыки должностного лица помогают ему применить правильную модель общения с подчиненными (коллегами), и организовать эффективное взаимодействие с гражданами, СМИ, общественными объединениями и т. д. Так, Хайрутдинова И. В. считает, что владеть коммуникативными умениями обязан каждый руководитель ОВД, иначе сложно говорить о продуктивности его контактов с коллегами и иными лицами [10].

Как видится, коммуникативная компетентность является важным элементом управленческой деятельности руководителя ОВД. Она охватывает навыки эффективного общения, умение слушать и понимать других, а также умение ясно и четко выражать свои мысли и идеи. Более того, коммуникативная компетентность позволяет руководителю ОВД плодотворно устанавливать доверительные отношения, повысить мотивацию сотрудников, разрешить конфликты и достичь общих целей. Кроме того, руководитель ОВД должен уметь ясно и понятно объяснять задачи и цели подразделения, давать четкие инструкции, а также слушать и учитывать мнения и предложения сотрудников. Он должен быть готов к диалогу и обратной связи, уметь адаптироваться к разным коммуникационным стилям в каждой конкретной ситуации.

В целом, коммуникативная компетентность является неотъемлемой частью управленческой деятельности руководителя ОВД. Она помогает установить эффективное взаимодействие со всеми сторонами, повысить производительность и результативность работы подразделения. Другой важный аспект коммуникативной компетентности – умение слушать и учитывать мнения и

предложения сотрудников. Руководитель ОВД должен создавать атмосферу открытого диалога, где каждый сотрудник имеет возможность высказать свое мнение и быть услышанным. Это способствует повышению мотивации сотрудников, развитию креативности и инноваций в работе подразделения. Думается, что руководитель ОВД, обладающий высокой коммуникативной компетентностью, способен создать команду профессионалов, достигающих высоких результатов в своей работе.

Отметим, что иметь компетентность в области коммуникации является весомым преимуществом для руководителя ОВД. Вместе с тем, необходимо ответить на вопрос, каковы более конкретные преимущества для имеющего коммуникативные навыки руководителя ОВД? Давая ответ, следует обобщить вышеизложенное: 1) эффективность при нахождении идей и решений, формирование доверия среди сотрудников; 2) повышение производительности подчинённого подразделения; 3) улучшение качества работы.

Думая о практическом воплощении теоретических взглядов, считаем, что может быть полезной разработка методических рекомендаций или алгоритма действий, описывающего наиболее эффективные методы коммуникации руководителя ОВД с подчиненными и другими заинтересованными сторонами. Однако, для того чтобы разработать подобные документы, необходимо провести более глубокое социологическое исследование проблем и вызовов, с которыми сталкиваются руководители в области коммуникаций в органах внутренних дел. В этом алгоритме нужно описать, как руководитель должен устанавливать контакты и реагировать на конфликтные ситуации, каким образом ему следует проводить совещания и т. д. Так как эффективная коммуникация – это процесс, который зависит от множества факторов и

может меняться в зависимости от конкретных условий и обстоятельств, то указанный алгоритм должен быть достаточно гибким и адаптивным, чтобы учитывать различные ситуации и потребности.

Подводя итог, заключим, что изучение различных трудов ученых и опыта управленческой деятельности руководителей ОВД, а также проведение опроса последних может помочь получить более полное и глубокое понимание важного элемента в их «арсенале» – коммуникативной компетентности, и разработать более эффективные подходы к ее улучшению.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Амбарцумов А. А., Стерликов Ф. Ф. 1000 терминов рыночной экономики. Москва : Крон-Пресс, 1993.
2. Дрезинский К. С. Терминологическое исследование понятий «Менеджмент» и «Управление» // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Экономические науки. 2013. № 1 (163). Ч. 1. С. 2–25.
3. Левкович Л. Ю. Факторы предпочтения руководителем различных форм власти в организации // Психология совместной жизнедеятельности малых групп и организаций. Москва : ИПРАН, 2001. С. 270–284.
4. Агафонова М. С., Берегович К. А. Управленческая деятельность: её особенности, структура и характерные черты // Концепт. 2017. Т. 2. С. 438–441.
5. Шипош И. Управление и руководящий работник // Психология труда. Москва : Профиздат, 1979. С. 176–189.
6. Терещенко Н. Г. Понятие «управленческая деятельность» в ряду сходных категорий // Концепт. 2017. № 10 (октябрь). С. 75–83.
7. Иванов К. В. Актуальные вопросы изучения компетентности руководителей следственных органов МВД // Вестник

Российского нового университета. Актуальные проблемы психологии. 2011. № 1. С. 119–124.

8. Селиванова С. А. Сущностная характеристика понятия «коммуникативная компетентность» // Психология и педагогика: методика и проблемы. 2011. С. 353–358.

9. Робер М., Гильман Ф. Психология индивида и группы. Москва : Прогресс, 1988. 255 с.

10. Хайрутдинова И. В. Психолого-педагогические аспекты изучения коммуникативных умений руководителя органов внутренних дел // Современное педагогическое образование. 2019. № 12. С. 94–98.

**ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ)
НАУКИ (ЮРИДИЧЕСКИЕ)**

УДК 347.2/3

Дондоков Жаргал Дармаевич,

аспирант Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковleva,
ул. Комсомольская, д. 21, г. Екатеринбург, Россия, 620137,
e-mail: dondokovzhargal@mail.ru

**К ПРОБЛЕМЕ ПРАВА ОПЕРАТИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ УЧРЕЖДЕНИЙ,
ЯВЛЯЮЩИХСЯ ОРГАНАМИ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ**

Аннотация. В статье автор исследует вопросы, связанные с осуществлением вещных прав учреждений, которые одновременно являются органами публичной власти.

С позицииialectического подхода, применяя сравнительно-правовой метод научного исследования, автор анализирует родовые признаки ограниченных вещных прав и сравнивает их с видовыми признаками права оперативного управления. Несомненная ценность настоящей работы заключается в том, что автор акцентирует внимание и на практической реализации данных признаков и возникающие в связи с этим проблемы. Одной из ключевых проблем, которую исследует автор, является неприменимость признаков права на чужую вещь, ограниченного господства над ней к праву оперативного управления имуществом учреждений. Указанные выводы исследователь подтверждает путем рассмотрения вопросов с позиции дуализма права, который является неотъемлемым свойством российской правовой системы.

Научно-практическая ценность настоящей работы выражается и в том, что в заключении автор приводит перспективы развития правового регулирования вещных прав учреждений, в том числе посредством оценки применимости к ним понятия юридического лица публичного права. Вместе с тем предпочтительной для совершенствования действующего гражданского законодательства и формирующейся правоприменительной практики, по мнению исследователя, является модель унификации участия публично-правовых образований в гражданских правоотношениях.

Ключевые слова: учреждение, орган публичной власти, ограниченное вещное право, право оперативного управления, дуализм права, частное право, публичное право.

Dondokov Zhargal Darmaevich,

PhD student of Ural State Law University named by Pr. Veniamin Yakovlev,
Komsomolskaya str., 21, Yekaterinburg, Russia, 620137,
e-mail: dondokovzhargal@mail.ru

**ON THE ISSUE OF THE RIGHT OF OPERATIONAL MANAGEMENT OF
FOUNDATIONS – PUBLIC AUTHORITIES**

Abstract. The author explores issues related to the exercise of property rights of foundations that are public authorities.

From the position of the dialectical approach and using the comparative legal method of scientific research the author analyzes the generic features of limited property rights and compares them with the specific features of the right of operational management. The undoubted value of this article lies in the fact that the author focuses on the practical implementation of these features and the problems

arising in this regard. One of the key problems that the author analysis is the inapplicability of the signs of the right to foreigner's object and limited domination over it to the right of operational management of the property of foundations. The researcher confirms these conclusions by considering issues from the perspective of dualism of law, which is a key property of the Russian legal system.

The theoretical and practical value of this work is also expressed in the fact that in conclusion the author gives prospects for the development of legal regulation of the property rights of foundations, including by assessing the applicability to them of the concept of a legal entity of public law. At the same time the model of unification of participation of public legal entities in civil legal relations is preferable for improving the current civil legislation and emerging law enforcement practice.

Key words: foundation, public authority, limited property law, operational management law, dualism of law, private law, public law.

Согласно действующему законодательству, учреждения обладают правом оперативного управления на имущество, закрепленное за ними собственниками, являющимися их учредителями. Так, пункт 1 статьи 296 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) устанавливает, что учреждение, за которым имущество закреплено на праве оперативного управления, владеет, пользуется этим имуществом в пределах, установленных законом, в соответствии с целями своей деятельности, назначением этого имущества и, если иное не установлено законом, распоряжается этим имуществом с согласия собственника этого имущества. Конструкция такого права, как известно, зародилась в работе А. В. Венедиктова «Государственная социалистическая собственность» вместе с успешной попыткой автора создать модель вещного права юридических лиц, которая позволила бы обосновать сохранение элементов товарно-денежного или эквивалентного оборота и оформить юридическую личность отдельных элементов государственного аппарата в условиях абсолютности государственной собственности [1, с. 324]. В современной научной литературе право оперативного управления учреждений подвергается тщательному анализу, в том числе в связи с реформированием гражданского законодательства. Итогом таких

обсуждений и результатом достижения некоторых компромиссов идей стала Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации, подготовленная на основании Указа Президента Российской Федерации от 18.07.2008 № 1108 «О совершенствовании Гражданского кодекса Российской Федерации». Согласно пункту 11.1 приведенной Концепции предлагается сохранить унифицированное право оперативного управления с одновременной ликвидацией схожего права хозяйственного ведения. В рамках настоящей работы попытаемся исследовать вопрос о праве оперативного управления учреждений, в которые облекаются органы публичной власти. Выбор таких субъектов для исследования продиктован дуализмом их правовой природы, который характерен и для права оперативного управления в целом [2, с. 32].

Органы публичной власти осуществляют управленческие функции некоммерческого характера и в процессе своей деятельности по управлению государственным или муниципальным имуществом вступают в гражданские правоотношения от имени и в интересах общей публично-властной системы – государства или муниципальных образований, и одновременно как неотъемлемая ее часть. Иными словами, в гражданские правоотношения вступают не сами органы публичной власти, поскольку

они не являются субъектами гражданского права, а публично-правовые образования как самостоятельные и равноправные участники гражданских правоотношений и гражданского оборота. Однако в отдельных случаях органы публичной власти наделяются правовым статусом юридического лица, что предопределяет их гражданскую правоспособность. В этом качестве они действуют в гражданских правоотношениях как юридические лица, организационно-правовой формой которых выступает учреждение [3, с. 106]. Так, в соответствии с пунктом 1 статьи 123.21 ГК РФ учреждением признается унитарная некоммерческая организация, созданная собственником для осуществления управлеченческих, социально-культурных или иных функций некоммерческого характера.

В этом качестве такие субъекты гражданских правоотношений осуществляют свои вещные права тождественно иным учреждениям. Вместе с тем органы публичной власти с публично-правовой точки зрения являются частями единого публично-властного механизма и таким образом выражают собственно государство или муниципальные образования. Наделение их правовым статусом юридического лица не исключает их публично-правовую природу. В связи с этим возникает закономерный вопрос о том, влияет ли их публично-правовая природа на существование их гражданской правоспособности в части осуществления вещных прав.

Под правом оперативного управления традиционно понимается юридически обеспеченная мера возможного поведения обладателя права на закрепленное за ним собственником имущество [4, с. 591–592]. Как и иным видам ограниченных вещных прав праву оперативного управления присущи признаки первых: право на чужую вещь, ограниченное господство над вещью, производность от права собственности и ограничение правомочий собственника,

право следования, абсолютный характер, принцип публичности.

Безусловно, право оперативного управления предоставляется государственным и муниципальным учреждениям, однако в рамках вещных правоотношений мы должны вести речь о том, что участниками такого правоотношения являются не учредитель и учреждение, а собственник и обладатель права оперативного управления. Хотя особенностью права оперативного управления признается установленный законом ограниченный перечень тех субъектов, которые могут быть его обладателями. Более того, наличие правового статуса юридического лица в организационно-правовой форме учреждения является условием для наделения того или иного субъекта правом оперативного управления, что нельзя не учитывать при последующем анализе.

Как мы установили выше, правовой статус юридического лица предоставляет органу публичной власти возможность выступать в гражданских правоотношениях как самостоятельная правоспособная единица, отличная и ограниченная от создавшего ее субъекта – государства или муниципального образования. Это характеризует такое право как *iura in re aliena*¹, поскольку в данных отношениях выступают два самостоятельных субъекта – собственник имущества и обладатель права оперативного управления. Однако при внешней самостоятельности учреждений внутри правоотношений, в которые они вступают, сохраняется правовая связь с учредителем, являющимся собственником их имущества. Такая правовая связь выражается не только и не столько в сохранении некоторых контрольно-управленческих функций учредителя, которые выходят за рамки настоящего исследования, а столько в том, что в рамках вещных правоотношений собственник продолжает участвовать в осуществлении своих правомочий. Подобное участие

¹ Е. А. Суханов справедливо отмечает, что понятие «право на чужую вещь» не вполне точно, ибо может относиться не только к собственно ограниченным

вещным правам, но и ко всякому титльному владельцу вещи, в том числе праву арендатора, хранителя, перевозчика и т. д.

выражается как в процессе установления порядка и способов владения и использования имущества, в том числе при определении назначения имущества и при даче определенных заданий для исполнения по его управлению, так и при даче согласия на распоряжение имуществом казенного учреждения.

Таким образом, вещные правоотношения с участием учреждений характеризуются смешанностью структуры возникающих правовых связей между учреждением и учредителем по модели относительных правоотношений, а также между учреждением и учредителем с одной стороны и иными субъектами гражданских правоотношений с другой по модели абсолютных правоотношений. При этом первичная связь между учреждением и учредителем не строится по классической модели ограниченного вещного права, когда, к примеру, договор, лежащий в основе сервитута, лишь оформляет абсолютный характер прав их сторон. Такая первичная правовая связь не строится, а, скорее, объективно уже существует. Более того, у сторон классического ограниченного вещного права имеется автономность их воли и самостоятельность их интереса, чего нельзя с определенностью сказать по отношению к учреждениям.

Относительно рассматриваемых учреждений дуализм проявляется и в следующем. В своей сущности публично-правовое образование, в частности государство, является абстракцией и выражается через свои органы, составляющие его внутреннее содержание. Часть из таких органов наделяется гражданской правоспособностью и действует от своего имени как учреждения. Однако и в том, и в другом случае такие органы продолжают составлять содержание и сущность государства и муниципальных образований, поэтому фактически представляют собой неразрывно существующий единый имущественный фонд. Подобная публично-

правовая природа учреждений не может не оказывать влияния на их частноправовую сущность. Точнее говоря, нельзя утверждать, что право учреждений, являющихся органами публичной власти, представляет собой право на чужую вещь, поскольку вещь не является чужой. Эта вещь продолжает оставаться объектом вещных прав собственника и используется учреждением в тех целях, которые определил для него такой собственник. Данную модель Е. А. Суханов метко сравнил с корпоративной вуалью, когда за одним лицом фактически функционирует другое лицо [5, с. 132].

Таким образом, рассмотренная нами правовая связь между обладателями права собственности и права оперативного управления имуществом демонстрирует неприменимость признака ограниченного вещного права как права на чужую вещь в отношении учреждений, в том числе и являющихся органами публичной власти.

Ограничность господства над вещью, по нашему мнению, выражается в двух основных ипостасях. Во-первых, владение и пользование закрепленным за учреждениями имуществом должно осуществляться строго в соответствии с целями их деятельности. Так, относительно рассматриваемых учреждений имеется в виду деятельность в сфере государственного или муниципального управления для достижения задач, стоящих перед государством или муниципальным образованием в области обеспечения максимального блага для граждан и организаций, ими создаваемых. Целевая правоспособность указанных учреждений не позволяет им заниматься деятельностью, которая противоречит или не соответствует тем целям, которые установлены для них в учредительных документах, в том числе в правовых актах, лежащих в основе их создания.

Во-вторых, ограниченное господство над вещью выражается в том, что казенные учреждения могут осуществлять правомочие распоряжения имуществом

при условии наличия согласия собственника имущества. В соответствии с пунктом 4 статьи 298 ГК РФ казенное учреждение не вправе отчуждать либо иным способом распоряжаться имуществом без согласия собственника имущества. Неясной остается лишь форма согласия собственника на распоряжение имуществом учреждения. Исходя из основ формальной логики, можно предположить, что такое согласие должно быть выражено явно и непременно в письменном виде.

Стоит сказать, что согласие собственника имущества может быть рассмотрено и как сохраненное его участие в осуществлении вещных правомочий учреждения – обладателя права оперативного управления. В исследуемом согласии содержится воля собственника на осуществление его права собственности, а не права оперативного владения. Указанная особенность позволила В. А. Болдыреву рассматривать вещные правоотношения учреждения и учредителя не как абсолютные, а как относительные¹. Так, по мнению автора, правомочие отчуждения учреждением имущества собственника является представительской деятельностью, сходной с договорными отношениями, в связи с чем правильнее его определять именно как полномочие. Дело в том, что исходя из основного римского принципа: «*Nemo plus iuris ad alium transferre potest, quam ipse haberet*», учреждение выступает представителем собственника имущества в отношениях с третьими лицами и отчуждает имущество, не принадлежащее ему [6, с. 91]. Полагаем, что при выборе между вещно-правовой и обязательственно-правовой моделью управления публичной собственностью предпочтительной является первая, предоставляющая большую прочность положения и учреждения, и учредителя, и их контрагентов. Одновременно с этим стоит дополнить, что право оперативного управления представляется предпочтительной моделью и по

сравнению с предлагавшейся в начале 1990-х годов моделью trust [7, с. 55].

Ограниченнность господства над вещью не является неотъемлемым признаком права оперативного управления как ограниченного вещного права, а обуславливается типом учреждения. Это отражает тесную связь между вещными правоотношениями и правоотношениями, возникающими в связи с созданием, функционированием и прекращением юридического лица, при этом, думается, что превалирующую роль в определении конструкции права оперативного управления играют последние. Это, в свою очередь, оказывает влияние на самоценность и самодостаточность ограниченного вещного права. Анализируемое свойство ограниченных вещных прав выражается и в их осуществлении собственными действиями без участия других лиц, в том числе без участия собственника, что, очевидно, неприменимо к праву оперативного управления.

Действующим законодательством установлено, что собственник имущества вправе изъять излишнее, неиспользуемое или используемое не по назначению имущество, закрепленное им за учреждением либо приобретенное учреждением за счет средств, выделенных ему собственником на приобретение этого имущества. Имуществом, изъятым у учреждения, собственник этого имущества вправе распорядиться по своему усмотрению. При этом ограничение правомочий собственника заключается в том, что в период нахождения имущества на праве оперативного управления собственник не может осуществлять правомочия владения, пользования и распоряжения им. Вместе с тем рассмотрение вопроса о полноте или об ограничении правомочий собственника через дуализм права выявляет его новые грани.

¹ Дополняя свои выводы, автор утверждает, что в некотором смысле «ограниченные вещные правоотношения» можно назвать и абсолютными, и

относительными, тем самым критикуя выделяемый Е. А. Сухановым признак «абсолютности».

Дело в том, что в гражданско-правовых отношениях учредителя и учреждения, в том числе являющегося органом публичной власти, действительно, наблюдается невозможность владения, пользования и распоряжения имуществом, которая закреплена за учреждениями. Собственник фактически ограничивает свою возможность реализовывать свои правомочия свободно и во всякое время. При этом такая возможность может быть восстановлена только при условиях, которые установлены законом. С другой стороны, между этими же субъектами, но рассматриваемых в рамках публичного права как публично-властная единая централизованная система и орган публичной власти, возникают отношения публично-правового порядка по управлению имуществом государства или муниципального образования. И уже в этих рамках последние имеют возможность *de facto* определять целевые расходные статьи учреждения, направленность использования его имущества, в том числе путем дачи обязательных для исполнения административно-управленческих указаний [8, с. 22]. При условном совпадении частных и публичных начал возникают механизмы участия собственника в осуществлении права оперативного управления путем установления целей деятельности учреждения, назначения имущества или дачи согласий на распоряжение имуществом. Естественным представляется отнесение описанных механизмов к области гражданского права, поскольку «никаких частно-публичных отношений не существует» [9, с. 27], однако невозможно отрицать их публично-правовое происхождение. Приведенная дифференциация частных и публичных начал демонстрирует во многом «искусственность» сохранения права оперативного управления учреждений в условиях современного свободного рыночного оборота. Это подтверждается и тем, что ограничение правомочий

собственника не характерно для иных видов ограниченных вещных прав.

Характеризуя свойство следования права оперативного управления, непременно следует отметить имеющуюся в законодательстве неточность относительно его нормативной реализации. Так, в пункте 2 статьи 300 ГК РФ устанавливается, что при переходе права собственности на учреждение к другому лицу это учреждение сохраняет право оперативного управления на принадлежащее ему имущество. Полагаем, с развитием гражданского законодательства данная норма закона должна быть изменена в связи с тем, что учреждение представляет собой самостоятельный субъект права, следовательно, невозможно установление на него права собственности. Речь должна идти о передаче права собственности на имущество учреждения, что и предполагает свойство следования права оперативного управления. Думается, что свойство следования характерно праву оперативного управления, поскольку последнее сохраняется при переходе права собственности на имущество другому субъекту права. В. А. Болдырев, наоборот, отмечает, что свойство следования праву оперативного управления не характерно [10, с. 53].

При попытке практически реализовать данный признак неизбежно возникают следующие вопросы: «Если право собственности Российской Федерации на имущество, находящееся в ведении государственного федерального учреждения, переходит другому собственнику – муниципальному образованию, продолжает ли оставаться такое учреждение государственным или подлежит изменению на муниципальное?» или «Если право собственности на половину закрепленного за учреждением имущества переходит иному публичному собственнику, то можем ли мы вести речь о соучреждении?». Предполагаем, что подобные вопросы не возможны к

правильному разрешению без определения места права оперативного управления в системе вещных прав.

Обобщение изложенных выше признаков права оперативного управления, рассмотренных на примере учреждений, показывает следующее. Право оперативного управления не соответствует по своим основным признакам родовым признакам ограниченных вещных прав, как-то: право на чужую вещь, ограниченное господство над вещью, ограничение правомочий собственника, право следования. Так, право оперативного управления имуществом учреждения по своему существу не является правом на чужую вещь, поскольку само по себе обособление имущества на учреждении представляется некоторой фикцией, так как имущество учреждения и имущество учредителя находятся в едином имущественном публичном фонде. Полное ограничение правомочий собственника, в целом, не характерно для иных ограниченных вещных прав, а ограниченное господство над вещью содержательно исходит не из прочности самого вещного права, а из специфики субъекта гражданского права. Право следования нормативно закреплено, однако практически сложно осуществимо.

При рассмотрении вопроса в аспекте дуализма права выясняется, что право оперативного управления учреждений, которые являются органами публичной власти, представляет собой не самостоятельное вещное право, а, скорее, способ управления публичным имуществом. Характеризуя право оперативного управления, Е. А. Суханов пишет, что наделение имуществом учреждений на праве оперативного управления представляет собой не юридическую форму экономически необходимого участия одного лица в праве собственности другого, а способ осуществления права, прежде всего, публичной собственности [11, с. 5].

Приведение концептуальных проблем, возникающих при попытке обосновать необходимость сохранения права оперативного управления в действующем законодательстве, полагаем, подтверждает потенциал для реформирования гражданского законодательства и поисков новых моделей участия публично-правовых образований в гражданских правоотношениях для приведения в соответствие существующей модели требованиям стремительно развивающегося свободного экономического оборота. Для разрешения указанной выше проблемы предлагаем два основных сценария развития правового регулирования. С одной стороны, многими авторами предлагается внедрить в современное российское право понятие юридического лица публичного права, которое могло бы обобщить все юридические лица, не являющиеся собственниками закрепленного за ними имущества. Однако реализация такого подхода и конкретное содержание такого понятия требуют тщательного и планомерного своего обсуждения.

Гораздо более реалистичной моделью разрешения рассмотренной проблемы является постепенный отказ от наделения органов публичной власти правовым статусом юридического лица в пользу унификации их участия в гражданских правоотношениях, но уже от имени и в интересах всего публично-правового образования. Естественным представляется и одновременное реформирование гражданского законодательства в части некоммерческих юридических лиц, в частности специальных законов о них, поскольку по справедливому утверждению Т. В. Сойфер: «Взгляд законодателя на юридическое лицо исключительно как на правовую категорию, рассчитанную главным образом на потребности имущественного оборота, а также попытка выработать универсальные для всех юридических лиц положения не позволили обеспечить руководящую роль норм ГК РФ

применительно к некоммерческим организациям» [12, с. 32].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Венедиктов А. В. Государственная социалистическая собственность. Москва : Изд-во Академии наук СССР, 1948. 834 с.
2. Артемов В. Органы местного самоуправления как субъекты гражданского права // Государственная власть и местное самоуправление. 2002. № 4. С. 31–33.
3. Усков О. Самостоятельная правосубъектность государственных органов и ответственность государства по обязательствам из договора // Хозяйство и право. 2003. № 9. С. 105–112.
4. Суханов Е. А. Российское гражданское право : учебник. В 2 т. Т. 1. Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права. Москва : Статут, 2015. 958 с.
5. Суханов Е. А. Еще раз о юридических лицах – несобственниках // Правоведение. 2017. № 3. С. 130–141.
6. Болдырев В. А. Имущественные права учреждений и унитарных предприятий:
- составляющая // Ленинградский юридический журнал. 2011. № 2. С. 85–92.
7. Суханов Е. А. О доверительном управлении имуществом как обязательственно-правовом способе осуществления права собственности // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2017. № 11. С. 44–57.
8. Городецкая Е. А. К вопросу о дуализме права управления государственной собственностью // Государственная власть и местное самоуправление. 2011. № 4. С. 19–23.
9. Попондопуло В. Ф. Проблемы единства и дифференциации российского права и законодательства // Российский юридический журнал. 2011. № 1. С. 26–37.
10. Болдырев В. А. Правовая природа хозяйственного ведения и оперативного управления // Журнал российского права. 2011. № 7. С. 49–56.
11. Суханов Е. А. Ограниченные вещные права // Хозяйство и право. 2005. № 1. С. 5–19.
12. Сойфер Т. В. Некоммерческие организации: проблемы гражданской правосубъектности // Хозяйство и право. 2005. № 1. С. 30–39.

УДК 347.238

Сенотрусова Евгения Михайловна,
 старший преподаватель кафедры общегуманитарных и
 социально-экономических дисциплин Иркутского юридического института (филиала)
 Университета прокуратуры Российской Федерации,
 ул. Шевцова, д. 1, г. Иркутск, Россия, 664035,
 e-mail: evg-suranova@yandex.ru
 ORCID 0000000182921193

ПРИНУДИТЕЛЬНАЯ ВЫПЛАТА КОМПЕНСАЦИИ В СЧЕТ ДОЛИ В ПРАВЕ СОБСТВЕННОСТИ НА ЖИЛОЕ ПОМЕЩЕНИЕ

Аннотация. Представлены результаты анализа материалов судебной практики по спорам о принудительном присуждении денежной компенсации участнику долевой собственности при невозможности выдела его доли в натуре. Установлено, что указанное допустимо при наличии таких условий как невозможность реального выдела доли собственника, ее незначительность и отсутствие у последнего существенного интереса в пользовании имуществом. Оценке также подлежат соизмеримость интереса лица в использовании общего имущества с теми неудобствами, которые его участие причинит другим собственникам, добросовестность его поведения, его участие в расходах на содержание спорного имущества, фактическое пользование им, характер сложившихся взаимоотношений между собственниками. В целях обеспечения интересов лица, чье право собственности будет прекращено в результате присуждения денежной компенсации, суды учитывают наличие доказательств платежеспособности иных собственников.

Ключевые слова: раздел имущества, долевая собственность, выдел доли, выплата компенсации, незначительность доли.

Senotrusova Evgeniya Mikhailovna,
 Senior Lecturer of the Department of General Humanitarian and
 Socio-Economic Disciplines of the Irkutsk Law Institute (branch)
 University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation,
 str. Shevtsova, 1, Irkutsk, Russia, 664035,
 e-mail: evg-suranova@yandex.ru
 ORCID 0000000182921193

COMPULSORY PAYMENT OF COMPENSATION FOR A SHARE IN THE OWNERSHIP OF DWELLING

Abstract. The results of the analysis of the materials of judicial practice on disputes on the compulsory award of monetary compensation to a participant of shared ownership when it is impossible to allocate his share in kind are presented. It is established that this is permissible in the presence of such conditions as the impossibility of a real allocation of the owner's share, the insignificance of the owner's share and the absence of the latter's significant interest in using the property. The proportionality of a person's interest in the use of common property with the inconveniences that his participation will cause to other owners, the integrity of his behavior, his participation in the costs of maintaining the disputed property, the actual use of it, the nature of the existing relationship between co-owners are also subject to assessment. In order to ensure the interests of the person whose ownership right will be terminated as a result of the award of monetary

compensation, the courts take into account the existence of evidence of the solvency of other co-owners.

Key words: division of property, shared ownership, allocation of shares, payment of compensation, insignificance of the share.

Положениями ст. 252 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) установлены правила раздела имущества, находящегося в долевой собственности. Поскольку выдел доли участника долевой собственности в натуре не всегда возможен ввиду технической или экономической нецелесообразности и иных обстоятельств, законодатель предусмотрел возможность присуждения в пользу такого лица денежной компенсации. Условия допустимости выплаты денежных средств вместо выдела доли в натуре различны в зависимости от наличия или отсутствия согласия на это самого собственника. Иными словами, отсутствие волеизъявления долевого участника на получение компенсации вместо выдела своей доли из общего имущества, отсутствие у него иного аналогичного по назначению имущества не является безусловным основанием для отказа в удовлетворении соответствующих требований остальных собственников. Так, согласно п. 4 ст. 252 ГК РФ, принудительное присуждение компенсации допускается в случаях, когда доля собственника незначительна, не может быть реально выделена и он не имеет существенного интереса в использовании общего имущества.

Соответствующие законодательные положения видятся вполне оправданными, направленными на консолидацию права собственности, повышение эффективности использования имущества [1], недопущение возможных конфликтов между сособственниками по вопросам

пользования и распоряжения имуществом, на обеспечение удобства и оперативности гражданского оборота. Более того, направленность законодателя на ограничение возможности возникновения общей собственности на имущество, возникновения и существования микродолей объясняется и необходимостью пресечения возможных мошеннических схем при продаже имущества, особенно – жилых помещений¹.

Итак, для присуждения денежной компенсации вместо выдела доли в натуре в отсутствие согласия участника долевой собственности требуется наличие трех условий: 1) доля собственника не может быть реально выделена; 2) доля собственника незначительна; 3) собственник не имеет существенного интереса в использовании имуществом. Далее мы проанализируем перечисленные обстоятельства применительно к спорам сособственников жилых помещений.

Вопрос о возможности *реального выделения доли в натуре* является весьма сложным. Безусловно, при его разрешении требуется установить наличие технической возможности реального выдела доли, что в наиболее сложных случаях должно быть подтверждено специалистом или экспертом. Значимость проведения экспертизы объясняется и необходимостью соответствия выделяемой доли требованиям градостроительных, строительных, экологических, санитарно-гигиенических, противопожарных и иных правил и нормативов². Как правило, эксперты

¹ Исходя из положений ч. 1.1 ст. 30 Жилищного кодекса Российской Федерации под микро-долей в праве собственности на жилое помещение понимается доля, соответствующая менее чем шести квадратным метрам общей площади жилого помещения на каждого сособственника. По общему правилу сделки, направленные на создание таких микро-долей, ничтожны.

² О некоторых вопросах практики рассмотрения судами споров, возникающих между участниками общей собственности на жилой дом : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 июня 1980 г. № 4 : ред. от 06 февраля 2007 г. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

помимо установления самого по себе факта технической (не)возможности выдела доли, указывают все возможные варианты раздела, совокупность необходимых для этого строительных работ, их примерную стоимость и т. п.

Следует учесть, что применительно к жилым помещениям выдел считается возможным в том случае, когда имеется техническая возможность передачи лицу изолированной части не только жилых, но и подсобных помещений (кухни, коридора, санузла и др.) и оборудования отдельного входа¹. При разделе объекта недвижимости образуются объекты недвижимости того же вида, но с собственными характеристиками, отличными от характеристик исходного объекта. Вновь образованные в результате раздела объекты должны иметь возможность эксплуатироваться автономно.

Судами указывается, что раздел квартиры в натуре допускается при совокупности следующих условий: наличие технической возможности выдела изолированных квартир с отдельными входами, обособленных в многоквартирном доме, обеспечивающих возможность прямого доступа к помещениям общего пользования в таком доме и состоящих из одной или нескольких комнат, а также помещений вспомогательного использования, предназначенных для удовлетворения гражданами бытовых и иных нужд, связанных с их проживанием в таком обособленном помещении, в том числе путем превращения ее в таковые в результате осуществления предлагаемых переоборудований в целях изоляции; возможность создания в результате раздела общего имущества самостоятельных объектов гражданских прав и их

дальнейшего использования с сохранением прежнего целевого назначения.

Выдел доли в натуре не допускается, если это может причинить несоразмерный ущерб имуществу, под которым принято понимать, в частности, невозможность использования имущества по целевому назначению, существенное ухудшение его технического состояния либо снижение материальной ценности, неудобство в пользовании² и т.п. Из сказанного следует, в частности, недопустимость выдела собственнику в качестве его доли части комнаты, проходной комнаты, коридора, балкона и т.п.

Используемые в п. 4 ст. 252 ГК РФ термины, такие как «незначительность доли», «существенный интерес», носят оценочный характер, а потому их наполнение должно осуществляться с учетом правоприменительной практики. Кроме того, уже само по себе их упоминание в статье указывает на исключительность случаев принудительной выплаты участнику долевой собственности денежной компенсации за его долю, их допустимости только в тех пределах, в каких это необходимо для восстановления нарушенных прав и законных интересов других участников долевой собственности.

Оценивая **долю** лица на предмет ее **значительности**, суды принимают во внимание собственно размер доли (1/2, 1/10 и т. п.), ее рыночную стоимость, общую и жилую площадь жилого помещения, площадь изолированных комнат.

В свою очередь, при установлении **интереса** участника долевой собственности в пользовании имуществом и его **существенности**, суды учитывают, в частности, такие обстоятельства как нуждаемость в использовании этого

¹ О некоторых вопросах применения судами Закона Российской Федерации «О приватизации жилищного фонда в Российской Федерации» : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 августа 1993 г. № 8. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 02.03.2023 № 88-5937/2023 ; Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 04.04.2023 по делу № 88-6043/2023. Доступ к документам из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

имущества в силу возраста, состояния здоровья, профессиональной деятельности, наличия детей, других членов семьи, в том числе нетрудоспособных¹. Юридически значимым и подлежащим выяснению является вопрос о возможности использования квартиры или дома всеми собственниками по его назначению (для проживания) без нарушения прав собственников, имеющих большую долю в праве собственности, о возможности предоставления ответчику в пользование изолированного жилого помещения, соразмерного его доле в праве собственности на квартиру.

Указывается, что целью раздела является прекращение общей собственности и обеспечение возможности бывшим собственникам максимально беспрепятственно самостоятельно владеть, пользоваться и распоряжаться выделенным имуществом с учетом его целевого назначения, нуждаемости и заинтересованности в нем², а потому при решении вопроса о наличии или об отсутствии реальной заинтересованности в использовании незначительной доли в общем имуществе подлежит установлению соизмеримость интереса лица в использовании общего имущества с теми неудобствами, которые его участие причинит другим (другому) собственникам. Оценивается также поведение собственника, его участие в расходах на содержание спорного имущества, фактическое пользование им, к примеру, постоянное проживание в квартире или проживание по иному адресу, его добросовестность, характер сложившихся взаимоотношений между собственниками.

В связи с изложенным интерес представляет следующий казус.

Гражданка Д. обратилась в суд к Д. Г. и К. с требованиями о признании долей незначительными, прекращении права собственности и возложении обязанности по выплате денежной компенсации за незначительные доли жилого помещения. В обоснование требований Д. указала, что является собственником 8/9 доли в праве собственности на квартиру. Ответчикам принадлежит по 1/18 доли в праве собственности на квартиру на основании свидетельств о праве на наследство. Ответчики в квартиру не вселялись, в ней не зарегистрированы, интереса в пользовании никогда не проявляли. Выделение им долей в жилом помещении в связи с их незначительностью невозможно. Рыночная стоимость доли каждого из ответчиков составляет 16 250 руб. Решением суда в удовлетворении требований к К. было отказано в связи с его несогласием на присуждение денежной компенсации и заявлением намерения пользоваться принадлежащей ему на праве собственности квартирой.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации при рассмотрении дела в кассации установила наличие основания для отмены решения в указанной части в связи с допущенными судами нижестоящих инстанций нарушениями норм права.

Так, согласно техническому паспорту спорная квартира имеет общую площадь 52,2 кв. м, жилую – 27,5 кв. м, состоит из двух жилых комнат (12,3 кв. м и 15,2 кв. м), кухни, ванной и туалетной комнат. Принадлежащая К. доля равна 1/18 и составляет всего 1,5 кв. м жилой площади и 2,9 кв. м общей площади квартиры. Выдел такой доли в натуре с учетом площади изолированных комнат произвести невозможно. Более того, доказано, что К. с момента получения доли в собственность,

¹ О некоторых вопросах, связанных с применением части первой Гражданского кодекса Российской Федерации : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 6, Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации № 8 от 01 июля 1996 г. : ред.

от 25 декабря 2018 г. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 4 (2018), утвержденный Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 26.12.2018. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

то есть с 2002 года, не вселялся в квартиру и не пользовался ею, каких-либо препятствий в заселении ему не чинилось, расходы на содержание имущества ответчик не нес, проживает в жилом помещении по другому адресу. Примечательно, что кассационная инстанция указала на необходимость оценки добросовестности поведения ответчика. Дело в том, что судами не было принято во внимание, что К. неоднократно отказывался от предложений истца получить денежную компенсацию в счет доли в праве собственности на квартиру, при этом размещал в сети «Интернет» объявления о продаже принадлежащей доли¹.

Показательным представляется и следующий казус.

Зыкова М. Е. обратилась в суд с иском к Зыкову С. Н. о признании доли в праве на квартиру незначительной, прекращении права собственности на долю в квартире и взыскании денежной компенсации в размере более 500 000 руб.

В обоснование требований истец указала, что ей, Зыкову С. Н. и их двум несовершеннолетним детям на праве общей собственности (по 1/4 доли каждому) принадлежит квартира общей площадью 47,7 кв. м (жилая площадь 27,6 кв. м). Размер жилой площади, соответствующий принадлежащей ответчику доле в праве на квартиру, составляет 6,8 кв. м. При этом выделить для проживания ответчика изолированную комнату, по размеру соответствующую принадлежащей ему доле, невозможно (квартира состоит из двух комнат площадью 11,9 кв. м и 15,7 кв. м.). Брак между истцом и ответчиком расторгнут, отношения имеют негативный характер, совместное проживание невозможно. Ответчик в квартире не проживает, расходы по содержанию имущества не несет, у истца и детей иного жилого помещения для проживания не имеется.

¹ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 02.08.2022 № 64-КГ22-3-К9. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

Принимая решение об отказе в удовлетворении исковых требований, суд первой инстанции исходил из того, что квартира является местом жительства ответчика, последний заявляет о наличии интереса в использовании общего имущества, находится в трудной жизненной ситуации, нигде не работает, имеет задолженность по уплате алиментов.

Вместе с тем, Верховный Суд Российской Федерации отметил, что указанные обстоятельства сами по себе не могли послужить основанием для отказа в удовлетворении заявленных требований, а суду надлежало оценить добросовестность поведения ответчика и его взаимоотношения с бывшей супругой и детьми. Так, материалами дела подтверждается, что между супругами имеют место тяжелые конфликтные отношения, подтверждены случаи нанесения ответчиком побоев своей бывшей супруге, а также факт причинения вреда одному из детей².

Учитывая необходимость обеспечения интересов собственников, имеющих большие по размеру доли или имеющих более значимый (прежде всего, социально значимый) интерес в пользовании имуществом, суды, тем не менее, стремятся гарантировать соблюдение законных интересов лиц, чье право собственности в результате получения компенсации будет прекращено. Высшая судебная инстанции ориентирует нижестоящие суды на необходимость предлагать истцам по такого рода спорам представить доказательства своей платежеспособности относительно выплаты компенсации ответчику за его долю, как правило, путем внесения денежных средств на соответствующий депозит Управления Судебного департамента.

Таким образом, при решении вопроса о присуждении денежной компенсации вместо выдела доли в натуре в отсутствие

² Определение Верховного Суда Российской Федерации от 05.04.2022 № 55-КГ22-1-К8. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

согласия участника долевой собственности судам надлежит установить следующие обстоятельства: 1) невозможность реального выдела доли собственника; 2) незначительность доли собственника; 3) отсутствие у собственника существенного интереса в пользовании имуществом. Кроме того, оценке подлежат соизмеримость интереса лица в использовании общего имущества с теми неудобствами, которые его участие причинит другим собственникам, добросовестность поведения лица, его участие в расходах на содержание спорного имущества, фактическое пользование им, характер сложившихся взаимоотношений между собственниками. В целях

обеспечения интересов лица, чье право собственности будет прекращено в результате присуждения денежной компенсации, судам надлежит требовать представления иными собственниками доказательств их платежеспособности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Заключение кафедры гражданского права СПбГУ на проект изменений раздела о вещных правах ГК РФ / М. А. Александрова, С. А. Громов, Т. С. Краснова, Н. Ю. Рассказова, А. Д. Рудоквас, А. О. Рыбалов, Ю. К. Толстой // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2020. № 7.

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ (ЮРИДИЧЕСКИЕ)

УДК: 343.2

Антонова Елена Юрьевна,
 декан юридического факультета Дальневосточного юридического института (филиала)
 Университета прокуратуры Российской Федерации,
 доктор юридических наук, профессор,
 ул. Суханова, 8, г. Владивосток, Россия, 690091,
 e-mail: antonovy@yandex.ru
 ORCID 0000-0001-6605-3699

**ОСОБЕННОСТИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЛИЦ, ПРИВЛЕКАЕМЫХ
 К УЧАСТИЮ В СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ: НОВЫЙ ВЕКТОР
 УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ ИЛИ УГОЛОВНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО
 ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ?**

Аннотация. В научной статье рассмотрен новый нормативный правовой акт, посвященный особенностям уголовной ответственности лиц, привлекаемых к участию в специальной военной операции. Среди положительных моментов данного закона называется то, что законодатель четко очертил круг лиц, на которых распространяется его действие, а также основания и условия их освобождения от уголовной ответственности и наказания, а также снятия с них судимости. В статье называются и существенные недостатки закона, которые обусловлены несоблюдением правил законодательной техники и нарушением системности уголовного закона.

Ключевые слова: уголовно-правовая политика, освобождение от уголовной ответственности, освобождение от наказания, депенализация, специальная военная операция, период мобилизации, период военного положения, военное время, судимость.

Antonova Elena Yurievna,
 Dean of the Faculty of Law of the Far Eastern Law Institute (branch) of the
 University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation,
 Doctor of Law, Professor
 Sukhanova st., 8, Vladivostok, Russia, 690091,
 e-mail: antonovy@yandex.ru
 ORCID 0000-0001-6605-3699

**PECULIARITIES OF CRIMINAL LIABILITY OF PERSONS INVOLVED IN A
 SPECIAL MILITARY OPERATION: A NEW VECTOR OF CRIMINAL LAW POLICY
 OR WARTIME CRIMINAL LEGISLATION?**

Annotation. The scientific article considers a new normative legal act dedicated to the peculiarities of the criminal liability of persons involved in a special military operation. Among the positive aspects of this law is the fact that the legislator has clearly outlined the circle of persons to whom it applies, as well as the grounds and conditions for their release from criminal liability and punishment, as well as the removal of their criminal record. The article also mentions the significant shortcomings of the law, which are due to non-compliance with the rules of legislative technique and violation of the systemic nature of the criminal law.

Key words: criminal law policy, exemption from criminal liability, exemption from punishment, depenalization, special military operation, period of mobilization, period of martial law, wartime, criminal record.

24 июня 2023 года Президент РФ подписал Федеральный закон № 270-ФЗ¹, который закрепляет институт освобождения от уголовной ответственности и от наказания лиц, призываемых на военную службу по мобилизации или в военное время в Вооруженные Силы Российской Федерации (далее – ВС РФ), заключающих (заключивших) контракт о прохождении военной службы в ВС РФ либо проходящих военную службу в ВС РФ в период мобилизации, в период военного положения или в военное время, и снятия с них судимости.

Можно ли говорить о том, что в нашем государстве появилось законодательство военного времени, о котором упоминается в ч. 3 ст. 331 Уголовного кодекса РФ (далее – УК) и о необходимости которого уже давно говорится в научной литературе?

В ч. 3 ст. 331 УК установлено, что уголовная ответственность за совершенные в военное время либо боевой обстановке преступления против военной службы, определяется российским законодательством военного времени. Отсюда следует, что такое законодательство должно включать в себя нормы об особенностях уголовной ответственности в указанный период времени и только за преступления против военной службы. В Федеральном же законе № 270-ФЗ речь идет об освобождении от уголовной ответственности и от наказания за преступления, совершенные лицом до того, как его призовут на военную службу и до заключения им соответствующего контракта и не связанные с такой службой. Соответственно отнести данный нормативный правовой акт к законодательству военного времени нельзя.

Вместе с тем новый нормативный правовой акт решает вопросы, входящие в уголовно-правовую сферу и направлен на урегулирование такого элемента уголовно-правовой политики как депенализации – «неприменение наказания, за уже криминализированные деяния» [3, с. 141], совершенные определенной категорией субъектов. Депенализация включает в себя и процесс «установления в уголовном законе и применения в следственно-судебной практике оснований и условий освобождения от уголовной ответственности и (или) от наказания» [2, с. 541–550].

Можно констатировать, что данный нормативный правовой акт является уголовным. Заметим, что развитие внешней формы уголовного права шло по пути от «многозакония», т. е. единовременного действия множества нормативных актов, которые формулировали уголовно-правовые нормы, нередко расходящиеся по своему содержанию, к объединению в едином кодифицированном акте [1, с. 147–149]. Получается, что с принятием рассматриваемого закона мы возвращаемся к «многозаконию» в сфере уголовно-правовых отношений.

До принятия данного закона единственным нормативным правовым актом, регулирующим вопросы уголовно-правового воздействия на лиц, нарушивших уголовно-правовой запрет, а также вопросы освобождения таковых от ответственности, был УК. Это вытекает из содержания ч. 1 ст. 1 УК: «Уголовное законодательство Российской Федерации состоит из настоящего Кодекса. Новые законы, предусматривающие уголовную ответственность, подлежат включению в настоящий Кодекс». При этом обязательному включению в УК подлежат

¹ Об особенностях уголовной ответственности лиц, привлекаемых к участию в специальной военной операции : Федеральный закон от 24 июня 2023 г. № 270-ФЗ // Официальный интернет-портал

правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202306240008> (дата обращения: 01.09.2023).

любые уголовные законы, а не только те, в которых устанавливается уголовная ответственность [5, с. 4].

Если опираться на содержание ч. 1 ст. 1 УК, то можно заключить, что принимая новый нормативный правовой акт, законодатель нарушил отечественную традицию «относительно сплошной кодификации уголовно-правовых норм в рамках Уголовного кодекса». Сохранение этой традиции, по оценке А. В. Наумова, является принципиально важным, поскольку только так «будут сохранены и определенные гарантии законности в сфере отправления правосудия по уголовным делам» [4, с. 31].

Считаем, что нормы, которые вошли в новый Федеральный закон, можно было разместить в главах 11 «Освобождения от уголовной ответственности» и 12 «Освобождение от наказания» УК и статье 86 УК «Судимость» или раздел IV УК можно было дополнить главой 13¹ «Особенности освобождения от уголовной ответственности лиц, проходящих военную службу в ВС РФ в период мобилизации, в период военного положения или в военное время».

Законодатель же посчитал возможным принять новый Федеральный закон, содержащий уголовно-правовые нормы, без внесения каких-либо поправок в УК. С учетом того, что российский уголовный закон состоит из УК, а соответственно и «направления уголовной политики ... выражаются и закрепляются именно и исключительно в данном нормативном акте» [5, с. 9], принятие данного закона, на наш взгляд, свидетельствует о новом векторе уголовно-правовой политики государства.

Правда, первое предложение части 1 статьи 1 УК следовало в таком случае изложить следующим образом: «Уголовное законодательство Российской Федерации состоит из настоящего Кодекса и Федерального закона “Об особенностях уголовной ответственности лиц, привлекаемых к участию в специальной

военной операции”». Но законодатель не сделал этого.

В качестве недостатка следует указать и на то, что, употребив в названии закона категорию «специальная военная операция», законодатель не только не раскрывает, но даже ни разу не упоминает ее в тексте самого закона. Из текста закона следует, что его действие распространяется на лиц, совершивших преступления, и призванных на военную службу по мобилизации или в военное время в ВС РФ либо заключивших в период мобилизации, в период военного положения или военное время контракт о прохождении военной службы в ВС РФ, а также на лиц, проходящих военную службу в ВС РФ в период мобилизации, в период военного положения или в военное время. Отсюда можно заключить, что специальная военная операция осуществляется в указанные периоды времени.

С учетом отсутствия легального определения термина «специальная военная операция» и содержания нового закона, представляется более правильным его наименование в следующей редакции «Об особенностях уголовной ответственности лиц, проходящих военную службу в ВС РФ в период мобилизации, в период военного положения или в военное время».

Среди положительных моментов данного закона следует указать на то, что законодатель четко очертил круг субъектов, на которых распространяется его действие, а также основания и условия их освобождения от уголовной ответственности и от наказания.

Первая группа условий и оснований освобождения от уголовной ответственности относится к лицам, которых призвали на военную службу по мобилизации или в военное время либо в связи с заключением ими в период мобилизации, в период военного положения или в военное время контракта о прохождении военной службы. В соответствии со ст. 2, 3

рассматриваемого закона, совокупностью таких условий являются:

1) совершение преступления небольшой или средней тяжести, за исключением преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 205², ч. 1 и 2 ст. 220, ч. 1 ст. 221 и ст. 280 УК до дня вступления в силу Федерального закона № 270-ФЗ, в отношении которых осуществляется предварительное расследование и

2) приостановление уголовного дела (уголовного преследования) в отношении такого лица по ходатайству командования воинской части (учреждения).

Отметим, что законодатель, конструируя условия освобождения от уголовной ответственности, в нормах УК говорит о том, что лицо должно совершить преступление впервые. Новый закон это условие опускает.

К основаниям такого безусловного освобождения законодатель отнес:

1) награждение государственной наградой, полученной в период прохождения военной службы – в этом случае освобождение происходит в день награждения;

2) увольнение с военной службы по основанию, предусмотренному пп. «а», «в» или «о» п. 1 ст. 51 Федерального закона № 53-ФЗ¹, а именно:

- по возрасту — по достижении предельного возраста пребывания на военной службе;

- по состоянию здоровья – в связи с признанием его военно-врачебной комиссией не годным к военной службе;

- в связи с окончанием периода мобилизации, отменой (прекращением действия) военного положения и (или) истечением военного времени.

Вторая группа условий и оснований касается лиц, проходящих военную службу в ВС РФ в период мобилизации, в период военного положения или в военное время, совершившие преступления, в отношении

которых осуществляется предварительное расследование.

Безусловное освобождение таких лиц от уголовной ответственности происходит, когда уголовное дело (уголовное преследование) в отношении них приостановлено по ходатайству командования воинской части (учреждения) в период прохождения военной службы (ст. 2, 4). В данном случае законодатель не уточняет, о какой категории преступлений идет речь, акцент делается только на основании приостановления уголовного дела (уголовного преследования) — ходатайство командования воинской части (учреждения).

Основания освобождения идентичны тем, что были названы и в отношении первой группы лиц.

Статья 5 Федерального закона № 270-ФЗ закрепляет новый институт – условное освобождение от наказания, правовую природу которого еще предстоит осмыслить.

В ч. 1 ст. 5 этого закона сказано, что осужденный, призванный на военную службу по мобилизации или в военное время в ВС РФ либо заключивший в период мобилизации, в период военного положения или в военное время контракт о прохождении военной службы в ВС РФ, освобождается от наказания условно.

Таким образом, в данной части речь идет уже о лицах, осужденных за совершение преступления, приговоры по делам которых вступили в законную силу до дня вступления в силу Федерального закона № 270-ФЗ, в том числе о лицах, отбывших наказание или условно-досрочно освобожденных от отбывания наказания, т. е. имеющих судимость.

Исходя из содержания ст. 2 рассматриваемого закона такое освобождение от наказания не распространяется на лиц, имеющих судимости за совершение преступлений против половой неприкосновенности

¹ О воинской обязанности и военной службе : Федеральный закон от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ :

ред. от 24 июня 2023 г. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

несовершеннолетних, предусмотренных п. «а» ч. 3, п. «б» ч. 4, ч. 5 ст. 131, п. «а» ч. 3, п. «б» ч. 4, ч. 5 ст. 132, ч. 3–6 ст. 134, ч. 3–5 ст. 135 УК, либо преступлений, предусмотренных ст. 205–205⁵, 206, 208, 211, 220, 221, 275, 275¹, 276–280, 281–281³, 2821–282³, 360, 361 УК.

Лицо, не отбывшее наказание или не освобожденное ранее от наказания, будет полностью освобождено от наказания, как следует из содержания ч. 2 ст. 5 Федерального закона № 270-ФЗ:

1) со дня награждения государственной наградой, полученной в период прохождения военной службы, или

2) со дня увольнения с военной службы по основаниям, перечисленным выше.

Но если в период прохождения военной службы лицо, условно освобожденное от наказания, не отбывшее наказание и не освобожденное от наказания, совершает новое преступление, суд назначает ему наказание по правилам, предусмотренным ст. 70 УК, т. е. по совокупности приговоров.

Обязанность контролировать поведение лиц, предварительное следствие в отношении которых приостановлено, а также лиц, освобожденных от наказания условно, возлагается на командование воинских частей (учреждений).

В ст. 6 Федерального закона № 270-ФЗ закрепляются условия погашения судимости: в отношении лиц, отбывших наказание или условно-досрочно освобожденных от отбывания наказания, имеющих судимость, призванных на военную службу по мобилизации или в военное время в ВС РФ либо заключивших в период мобилизации, в период военного положения или в военное время контракт о прохождении военной службы в ВС РФ, судимость погашается:

1) со дня награждения государственной наградой, полученной в период прохождения военной службы либо

2) со дня увольнения с военной службы по вышеперечисленным основаниям.

Полагаем, что законодатель неверно в данном случае говорит о погашении

судимости, тогда как по своей природе закрепленный порядок свидетельствует о ее снятии, поскольку это происходит до истечения сроков, регламентированных в ст. 86 УК.

Возникают и вопросы по механизму освобождения названных в законе субъектов от уголовной ответственности и от наказания, снятия с них судимости.

Из ст. 7 закона следует, что данный закон допускает возможность освобождения виновных в совершении преступлений лиц от уголовного наказания и снятия с них судимости без соответствующего решения суда, что противоречит нормам уголовного законодательства.

В целом полагаем, что принятие рассматриваемого в статье Федерального закона № 270-ФЗ, обусловлено необходимостью применения к лицам, совершившим преступления, но в силу выполнения своего гражданского долга в названные в законе периоды времени, будучи награжденными государственными наградами или уволенными с военной службы по основаниям, перечисленным выше, поощрительных мер в виде освобождения от уголовной ответственности, освобождения от наказания и снятия судимости.

Вместе с тем, регламентируя данные нормы, законодатель совсем не упоминает о потерпевших от преступлений, совершенных указанными категориями субъектов, т. е. лиц, чьи права и законные интересы были нарушены. А ведь уголовное право зародилось и развивается, как справедливо замечает А. И. Коробеев, как право защиты, охраны [3, с. 313]. Отсюда возникает справедливый вопрос и в реализации такой цели мер уголовно-правового воздействия как восстановление социальной справедливости.

В заключении отметим, что законодатель, на наш взгляд, нарушил целый ряд правил законодательной техники, существенным из которых является появление в нашем государстве

уголовного закона, отдельного от Уголовного кодекса РФ, в связи с чем, нарушена и системность единого кодифицированного нормативного правового акта.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Андрианов В. К., Пудовочкин Ю. Е. Закономерности уголовного права : монография. Москва : Юрлитинформ, 2019. 344 с.
2. Антонова Е. Ю., Антонов И. М. К вопросу о понятии пенализации и депенализации // Юридический факультет Кубанского государственного университета : 60 лет служения науке и практике : материалы Международной научно-практической конференции, Краснодар, 20 апреля 2018 года. Краснодар : Кубанский государственный университет, 2018. С. 541–550.
3. Коробеев А. И. Уголовно-правовая политика России : от генезиса до кризиса : монография. Москва : Юрлитинформ, 2019. 352 с.
4. Наумов А. В. Уголовный кодекс Российской Федерации. Общая часть : историко-филологический и доктринальный (научный) комментарий. Москва : Проспект, 2021. 416 с.
5. Энциклопедия уголовного права. Т. 2. Уголовный закон. Санкт-Петербург : Издание профессора Малинина, 2005. 848 с.

УДК: 343.9

Демидова-Петрова Елизавета Викторовна,
начальник кафедры уголовного процесса
Казанского юридического института МВД России,
доктор юридический наук, доцент,
член-корреспондент Академии наук Республики Татарстан,
заслуженный юрист Республики Татарстан,
ул. Магистральная, д. 35, г. Казань, Россия, 420108,
e-mail: demidova.liza@gmail.com

КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ МАТРИЦА ПОЗНАНИЯ ЛИЧНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО ПРЕСТУПНИКА

Аннотация. Настоящая статья посвящена особенностям познания современной личности несовершеннолетнего преступника. Автором предлагается матрица (или система) криминологически значимой информации, познания преступности несовершеннолетних, на основе которой основывается матрица познания личности несовершеннолетнего преступника. Отдельное внимание автор уделяет криминологическому мониторингу в процессе составления криминологического портера личности несовершеннолетнего преступника.

Ключевые слова: преступность несовершеннолетних, информационная среда, социальная среда, интернет пространство, криминологическая матрица, личность несовершеннолетнего преступника, криминологический мониторинг.

Demidova-Petrova Elizaveta Viktorovna,
Head of the Department of Criminal Procedure
Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Doctor of Law, Associate Professor,
Corresponding Member of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan,
Honored Lawyer of the Republic of Tatarstan,
st. Magistralnaya, 35, Kazan, Russia, 420108,
e-mail: demidova.liza@gmail.com

CRIMINOLOGICAL MATRIX OF KNOWING PERSONALITY OF JUVENILE OFFENDER

Annotation. This article is devoted to the peculiarities of cognition of the modern personality of a juvenile offender. The author proposes a matrix (or system) of criminologically significant information, knowledge of juvenile delinquency, on the basis of which the matrix of knowledge of the personality of a minor offender is based. The author pays special attention to criminological monitoring in the process of compiling a criminological portrait of the personality of a minor offender.

Key words: juvenile delinquency, information environment, social environment, Internet space, criminological matrix, personality of a juvenile offender, criminological monitoring.

В криминологической науке такой вид преступности, как преступность несовершеннолетних привлекает к себе отдельное внимание. Так, в процессе

познания преступности несовершеннолетних глубоко исследуются ее качественно-количественные характеристики; особенности связанные с

возрастом рассматриваемой категорией граждан; выявляются и анализируются специфики личности несовершеннолетних преступников; изучаются причины, лежащие в основе совершаемых преступных деяний; важная роль отводится предупреждению указанного вида преступности.

Предусмотренные Указом Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года», задачи стабильного социально-экономического развития, повышения уровня жизни населения страны, создания комфортных условий для его проживания, определяют вектор развития государства и общества, составной частью которого выступает обеспечение возможностей для самореализации детей, молодежи и студентов¹. Важно сказать, что в «Стратегии комплексной безопасности детей в Российской Федерации на период до 2030 года» указано, что Российская Федерация признает детство важным этапом развития человека и исходит из необходимости создания безопасных условий для реализации прав и законных интересов ребенка, подготовки детей к полноценной жизни в обществе, защиты детей от факторов, негативно влияющих на их физическое, интеллектуальное, психическое, духовное и нравственное развитие². Также, необходимо подчеркнуть, что в России 2018 – 2027 годы указом Президента Российской Федерации В. В. Путина объявлены Десятилетием детства.

Особенности личности несовершеннолетнего преступника подлежат детальному анализу и всестороннему изучению в работах таких авторов как: Р. М. Абызов, А. И. Алексеев, Ю. М. Антонян, М. М. Бабаев,

А. И. Бельский, Н. Т. Ведерников, Н. И. Ветров, О. Х. Галимов, Л. С. Голубничая, Н. С. Грудинин, А. И. Долгова, Г. Н. Доронин, Л. К. Дорофеев, В. Д. Ермаков, К. Е. Игошев, А. Н. Ильяшенко, Н. Р. Косевич, Н. И. Крюкова, В. Н. Кудрявцев, В. А. Лелеков, Г. М. Миньковский, А. Б. Сахаров, В. А. Шуняева и др. Говоря о познании особенностей личности несовершеннолетнего преступника, следует обратить внимание и на проведенные исследования в области фоновых, так называемых «околопреступных» явлений. Так здесь следует отметить научные труды следующих авторов: М. А. Акименко, И. С. Алихаджиева, А. Л. Арефьев, Е. Б. Бреева, А. А. Габиани, Я. И. Гилинский, Е. С. Жигарев, А. Н. Кривоносов, А. В. Кулаков, В. В. Куликова, Т. А. Малыхина, Ю. Р. Орлова, А. М. Путько, А. Л. Репецкая, Ю. В. Новикова, А. А. Семерикова, Ю. А. Стяжкин, А. Е. Шпаков, З. Г. Ягудин и др.

Еще в начале XX века профессор М. Н. Гернет, в своих научных трудах справедливо указывал: «С возрастом связан определенный уровень развития сил, интеллекта, влечений, поэтому физически становится возможным совершение определенных преступлений» [1, с. 151]. Интересно, что профессор Г. М. Миньковский писал: «Существующие особенности несовершеннолетних не могут быть однозначно оценены как мешающиециальному формированию личности. Они облегчают и позитивное воздействие на лиц молодого возраста». Это, по мнению Г. М. Миньковского: «Специфика социально-возрастной группы, которая превращается в отрицательно действующую лишь в случае ее игнорирования, несвоевременности или

¹ О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года : указ Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 : в ред. указа Президента РФ от 21 июля 2020 г. № 474 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2018. № 20. Ст. 2817.

² Стратегия комплексной безопасности детей в Российской Федерации на период до 2030 года : утверждена Указом Президента Российской Федерации от 17 мая 2023 г. № 358. URL: <http://kremlin.ru/acts/news/71148> (дата обращения: 01.09.2023).

недостаточности учета, а также предполагает наличие и развитие социальной ответственности. Также настоящий ученый усматривает личность несовершеннолетних преступников как «кристаллизационный центр» – один из узлов проблем борьбы с преступностью несовершеннолетних» [2, с. 9].

Н. А. Монахов указал на наличие взаимосвязи поведения несовершеннолетних с возрастными особенностями, что оказывает влияние на их поведение [3, с. 65–73]. А. В. Майоров, в своих научных трудах под личностью преступника понимает социальное лицо человека, совершившего противоправное действие (преступление), т. е. человека с девиантным поведением в обществе. Иными словами, А. В. Майоров указывает на то, что личность преступника включает в себя набор взаимопереплетенных биологических, социальных, психологических, нейрофизиологических, психологических и юридических (в смысле правового статуса человека в обществе) качеств [4, с. 21]. О. Р. Афанасьева, М. В. Гончарова справедливо отмечают, что криминологическое исследование личности преступника осуществляется для выявления и оценки тех её свойств и черт, которые детерминируют и сохраняют преступное поведение [5, с. 41]. Высказанная точка зрения приобретает особую актуальность в контексте познания особенностей личности несовершеннолетнего преступника.

Говоря о личности несовершеннолетнего преступника, следует отметить, что на сегодняшний день проводимые в данной области криминологические исследования, чаще всего, осуществляются в таких направлениях, как:

- составление криминологического портрета личности несовершеннолетнего преступника по средствам изучения статистических данных судебных и правоохранительных органов, а также материалов уголовных дел;

- составление подобного портрета личности несовершеннолетнего преступника при помощи проведения конкретно-социологического исследования (опрос респондентов из числа лиц, совершивших преступные деяния).

Ученые-криминологи в своих научных трудах предлагают определение криминологического портрета преступника. Так, под криминологическим портретом преступника профессор И. М. Мацкевич понимает описательный процесс создания искусственного образа конкретного человека с применением социологических, психологических, криминалистических приемов и способов для установления объективных индивидуальных черт изучаемого преступника с целью разработки конкретных индивидуальных, групповых или общепрофилактических мер. Отличительной особенностью криминологического портрета преступника является способ его составления, который заключается в описании конкретного типа преступника [6, с. 1424–1444]. Так, здесь следует подчеркнуть, что выявление, глубокий анализ современного, адекватного, объективного криминологического портрета несовершеннолетнего преступника необходимо в целях наиболее эффективной разработки и реализации, актуальных общесоциальных, специальных, индивидуальных мер предупреждения исследуемого вида преступности.

Так, благодаря определению современного криминологического портрета несовершеннолетнего преступника становится возможным выявить, установить причинный комплекс, основные факторы, составляющие основу детерминации процесса становления и развития преступников несовершеннолетнего возраста. В настоящем контексте следует отметить, что наличие подобных знаний сделают, возможным установить и отдельно выделить именно ту группу лиц

несовершеннолетнего возраста, наиболее подверженных воздействию таких факторов. Подобную группу несовершеннолетних следует выделять как «группу риска».

Представляется, что в целях получения наиболее полного, объективного и актуального массива знаний о личности несовершеннолетнего преступника, в целях предложения современного ее криминологического портера следует применять криминологический мониторинг.

Осуществление комплексного криминологического мониторинга основывается на проведении сравнительного анализа статистических данных судебных и правоохранительных органов, материалов уголовных дел с полученными результатами проведенных авторских конкретно-социологических исследований.

В своих более ранних работах автором настоящей работы была предложена матрица (или система) криминологически значимой информации, познания преступности несовершеннолетних. Подобная матрица содержит в себе весь необходимый массив значимой информации в целях познания рассматриваемого вида преступности [7, 464 с. ; 8, с. 37–43].

Так, указанная матрица состоит из системы координат:

1) выделения преступности несовершеннолетних, как отдельного вида преступности:

а) понятие, особенности преступности несовершеннолетних;

б) качественно-количественные показатели преступности несовершеннолетних;

в) отличие от преступности несовершеннолетних от преступности лиц взрослого возраста (совершеннолетних);

2) соотношение криминологических процессов и явлений, оказывающих влияние на преступность лиц несовершеннолетнего возраста;

3) факторы преступности несовершеннолетних:

а) особенности макро-микросреды в процессе формирования несовершеннолетнего и выбора его дальнейшей модели поведения (как преступного, так и законопослушного);

4) исследование интернет, онлайн-социальной среды, где взаимодействуют, реализуют свои коммуникативные функции, различные возможности, заложенные в данной социальной среде лицами несовершеннолетнего возраста:

а) анализ социальных сетей представленных в интернет, онлайн-пространстве (пользующихся наибольшей популярностью среди рассматриваемой возрастной категорией граждан);

5) исследование процесса формирования личности несовершеннолетнего (его социально-возрастных особенностей, психологической характеристики);

6) изучение фоновых явлений «сопутствующих» преступности несовершеннолетних (алкоголизм, наркомания, проституция, игромания, беспризорность, безнадзорность, и т. д.);

7) применение криминологического мониторинга, в процессе познания, преступности несовершеннолетних на следующих уровнях:

а) муниципальный уровень;

б) уровень субъекта Российской Федерации;

в) федеральный уровень;

8) проведение прогноза преступности лиц несовершеннолетнего возраста;

9) осуществление информационной безопасности несовершеннолетних;

10) функционирование и реализация, в практической плоскости, мер предупреждения преступности лиц несовершеннолетнего возраста, включающую в себя:

а) правовое обеспечение;

б) ресурсное обеспечение;

в) организационно-управленческое обеспечение;

11) предупреждение экстремизма среди лиц несовершеннолетнего и молодого возраста (общесоциальное, специально-криминологическое индивидуальное).

Так, относительно новым, но как, представляется, достаточно продуктивным, форматом исследования данного вида преступности является именно криминологический мониторинг (указан в предложенной матрице криминологически значимой информации познания преступности несовершеннолетних под № 7). Использование указанного криминологического мониторинга позволит реализовать наиболее полное, глубокое, всестороннее, «сквозное» познание преступности несовершеннолетних.

Основываясь на представленной ранее матрице (или системе) криминологически значимой информации, познания преступности несовершеннолетних нам представляется целесообразным предложить криминологическую матрицу познания личности несовершеннолетнего преступника, которая также включает в себя определенную систему координат:

- 1) понятие, особенности личности несовершеннолетнего преступника;
- 2) особенности социально-типологической характеристики личности несовершеннолетнего преступника;
- 3) специфика социально-возрастных характеристик личности несовершеннолетнего преступника;
- 4) нравственно-психологическая характеристика личности несовершеннолетнего преступника;
- 5) отличие личности несовершеннолетнего преступника от личности преступника взрослого возраста (совершеннолетнего);
- 6) факторы, оказывающие влияние на формирование личности несовершеннолетнего преступника;

а) роль макро-микросреды в процессе формирования личности несовершеннолетнего преступника;

б) исследование влияния интернета, онлайн-социальной среды, на формирования личности несовершеннолетнего преступника;

в) исследование роли онлайн социальных сетей, в процессе формирования личности несовершеннолетнего преступника;

8) анализ существующих фоновых явлений, оказывающих влияние на формирование личности несовершеннолетнего преступника (алкоголизм, наркомания, проституция, игромания, беспризорность, безнадзорность, и т. д.);

9) изучение виктимологических особенностей личности несовершеннолетнего преступника;

10) исследование особенностей личности несовершеннолетнего преступника совершающего преступления экстремистской направленности.

В завершении настоящей работы следует отметить, что применение предложенной криминологической матрицы познания личности несовершеннолетнего преступника сделало бы возможным составление наиболее точного, современного криминологического портрета личности несовершеннолетнего преступника.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Гернет М. Н. Моральная статистика. Москва, 1922. С. 151.
2. Миньковский Г. М. Личность несовершеннолетнего преступника и современные проблемы борьбы с преступностью несовершеннолетних в СССР : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.07 ; 12.00.08. Москва, 1972. С. 9.
3. Монахов Н. А. О социобиологических механизмах формирования антиобщественного поведения молодежи // Советское государство и право. 1989. № 8. С. 65–73.

4. Майоров А. В. Криминологический портрет личности преступника, совершающего карманные кражи // Правопорядок: история, теория, практика. 2018. № 3 (18). С. 21.
5. Афанасьева О. Р., Гончарова М. В. Криминологический портрет личности преступника // Вестник МГОУ. Серия: Юриспруденция. 2016. № 3. С. 41.
6. Мацкевич И. М. Криминологический портрет преступника // Lex Russica. 2008. № 6. С. 1424–1444.
7. Демидова-Петрова Е. В. Преступность несовершеннолетних в современной России: вопросы изучения и предупреждения : монография. Казань : КЮИ МВД России, 2021. 464 с.
8. Демидова-Петрова Е. В. Матрица криминологически значимой информации в познании преступности несовершеннолетних // Вестник Казанского юридического института МВД России. Том 13. 2022. № 2 (48). С. 37–43.

УДК 344.1

Закомолдин Руслан Валерьевич,

научный сотрудник отдела научного обеспечения прокурорского надзора и укрепления законности в сфере федеральной безопасности, межнациональных отношений, противодействия экстремизму
НИИ Университета прокуратуры Российской Федерации,
кандидат юридических наук, доцент,
ул. 2-я Звенигородская, д. 15, г. Москва, Россия, 123022,
e-mail: rus.zackomoldin@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-8829-0211

Данилов Петр Сергеевич,

старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского,
кандидат юридических наук,
ул. 50 лет Профсоюзов, д. 100/1, г. Омск, Россия, 644065,
e-mail: danilov.peter@mail.ru
ORCID: 0000-0003-4142-104X

ВОИНСКАЯ ОБЯЗАННОСТЬ КАК ОБЪЕКТ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ И ПРЕСТУПНЫХ ПОСЯГАТЕЛЬСТВ

Аннотация. Статья посвящена анализу обеспечения исполнения конституционной воинской обязанности уголовно-правовыми средствами. В частности, упорядочению, классификации общеуголовных и специальных преступлений, связанных с уклонением от прохождения военной службы, с уклонением от пребывания на военной службе и посягающих на нормальный порядок военного управления и несения военной службы, то есть наиболее оптимальной группировке и расположению норм, обеспечивающих исполнение воинской обязанности и в целом военную безопасность. Отмечается актуальность данной проблематики в связи с введением частичной мобилизации, объявлением военного положения на территории ряда субъектов, а также в связи с проведением специальной военной операции.

Ключевые слова: воинская обязанность, военная безопасность, военная служба, военнослужащие, частичная мобилизация, военное положение, специальная военная операция, уголовно-правовая охрана.

Zakomoldin Ruslan Valerievich,

Researcher of the Department of Scientific Support of Prosecutorial Supervision and Strengthening of the rule of law in the field of federal security, interethnic relations, countering extremism Research Institute of the University of Prosecutor's Office of the Russian Federation, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,
15 2nd Zvenigorodskaya str., Moscow, Russia, 123022,
e-mail: rus.zackomoldin@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-8829-0211

Danilov Pyotr Sergeevich,

Senior Lecturer of the Department of Criminal Law and Criminology
Omsk State University named after F.M. Dostoevsky,
Candidate of Law,

50 let Trade Unions str., 100/1, Omsk, Russia, 644065,
 e-mail: danilov.peter@mail.ru
 ORCID: 0000-0003-4142-104X

MILITARY LIABILITY AS AN OBJECT OF CRIMINAL LEGAL PROTECTION AND CRIMINAL ATTRACTIONS

Annotation. The article is devoted to the analysis of ensuring the execution of constitutional military duty by criminal legal means. In particular, the ordering, classification of ordinary and special crimes related to evasion from military service, with evasion from military service and encroaching on the normal order of military administration and military service, that is, the most optimal grouping and arrangement of norms that ensure the performance of military duty and military security in general. The urgency of this issue is noted in connection with the introduction of partial mobilization, the declaration of martial law on the territory of a number of subjects, as well as in connection with the conduct of a special military operation.

Key words: military duty, military security, military service, military personnel, partial mobilization, martial law, special military operation, criminal law protection.

Военная безопасность, в соответствии с пп. «а» п. 8 Военной доктрины РФ, утвержденной Президентом РФ 25 декабря 2014 г. № Пр-2976, определяется как «состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внешних и внутренних угроз военного характера, связанных с применением военной силы или угрозой ее применения, характеризующееся отсутствием военных угроз либо наличием способности им противостоять»¹. Являясь краеугольным элементом национальной безопасности, она представляет собой сложную системную категорию, состоящую из безопасности военной службы, обороноспособности, воинского порядка, порядка прохождения военной службы, воинской дисциплины, боеспособности, боеготовности, воинского уставного порядка и воинской обязанности [1 ; 2 ; 3].

В целях обеспечения военной безопасности и обороны, защиты конституционного строя в соответствии с Федеральным законом от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ «Об обороне» формируется военная организация государства, включающая Вооруженные Силы, иные войска, воинские формирования и военизированные органы (Росгвардия,

пограничные органы и др.). В повседневном обороте в связи с этим используется собирательный термин «армия».

С учетом неоспоримой значимости для страны военной безопасности и безусловной роли армии в ее поддержании и укреплении, Конституция РФ в ст. 59 провозглашает защиту Отечества в качестве долга и обязанности граждан РФ. В связи с этим воинская обязанность имеет конституционно-правовую природу. При этом долг есть категория морально-нравственная, предполагающая общественно-полезное поведение.

Правовое регулирование воинской обязанности осуществляется специальными федеральными законами от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ «Об обороне», от 26 февраля 1997 г. № 31-ФЗ «О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации», от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе», от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» и другими нормативными актами.

В частности, в силу ст. 1 Закона о военной службе воинская обязанность включает в себя определенный перечень элементов: воинский учет; обязательную

¹ Российская газета. 2014. 30 декабря.

подготовку к военной службе; призыв на военную службу; прохождение военной службы по призыву; пребывание в запасе; призыв на военные сборы и прохождение военных сборов в период пребывания в запасе.

Кроме того, в соответствии с ч. 3 ст. 59 Конституции РФ, граждане имеют право на замену военной службы по призыву альтернативной гражданской службой, что также урегулировано специальным Федеральным законом от 25 июля 2002 г. № 113-ФЗ «Об альтернативной гражданской службе» и рассматривается в качестве альтернативной, но равнозначной формы исполнения воинской обязанности (осуществляется взамен военной службы по призыву) [4].

Граждане вправе исполнять конституционный долг по защите Отечества также путем добровольного поступления на военную службу, заключая контракт с Минобороны России в порядке, предусмотренном законодательством о воинской обязанности и военной службе.

Граждане наделяются специальным статусом военнослужащих и проходят военную службу либо по призыву, либо по контракту. Соответственно, в зависимости от правового основания они подразделяются на две категории: призывники и контрактники (п. 7 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 18 мая 2023 г. № 11 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о преступлениях против военной службы»)¹.

Закрепление конституционной воинской обязанности лежит в основе запрета гражданам отказываться от поступления на военную службу, а военнослужащим – уклоняться от пребывания на военной службе.

Принятие Федерального закона от 24 сентября 2022 г. № 365-ФЗ² дифференцировало порядок исполнения воинской обязанности в зависимости от обстановки и времени. Предусмотрены такие особые периоды, как период

мобилизации, период военного положения, военное время. В данные периоды воинская обязанность определяется специальным законодательством и включает призыв на военную службу по мобилизации, в период военного положения и в военное время; прохождение военной службы в период мобилизации, в период военного положения и в военное время; военное обучение в период военного положения и в военное время [5].

В Военной доктрине РФ отмечается, что в современной геополитической обстановке «сохраняются, а в отдельных направлениях усиливаются потенциальные внешние и внутренние угрозы национальной безопасности Российской Федерации и ее союзников». Армия должна быть подготовлена к отражению внешнего нападения и защите от агрессии по отношению к России, а также к военному разрешению внутренних вооруженных конфликтов [6], поскольку значимость надлежащего исполнения воинской обязанности в особых условиях возрастает, а общественная опасность ее неисполнения качественно усиливается [7]. Поэтому надлежащее исполнение воинской обязанности критически важно.

Государственный механизм обеспечения готовности армии является сложным и, по меньшей мере, содержит в себе меры воздействия как позитивного (добровольного), так и негативного (принудительного) характера. Большое место в нем уделено административным и дисциплинарным мерам воздействия, однако государство в целях системной охраны соответствующих отношений вынуждено прибегать и к уголовно-правовым мерам воздействия.

В целях формализации и правового регулирования вопросов обеспечения военной безопасности и обороны РФ установлен порядок прохождения военной службы, относимый уголовным законом к родовому объекту составов преступлений против военной службы (разд. XI УК РФ).

¹ Российская газета. 2023. 2 июня.

² Собрание законодательства РФ. 2022. № 39. Ст. 6535.

В данном случае по смыслу УК РФ предусматриваются специальная противоправность таких преступлений и специальный объект посягательства [8].

При этом «порядок прохождения военной службы подразделяется на конкретные сферы военно-служебной деятельности, где решаются конкретные задачи обеспечения военной безопасности, и которые являются видовыми объектами отдельных групп однородных преступлений против военной службы: преступления против порядка воинских уставных взаимоотношений (ст. 332-336 УК); преступления против порядка пребывания на военной службе (ст. 337-339, 352.1 УК); преступления против порядка несения специальных (охраных) видов военной службы (ст. 340-344 УК); преступления против порядка сбережения военного имущества (ст. 345-348 УК); преступления против порядка эксплуатации военно-технических средств (ст. 349-352 УК)» [9 ; 10].

В связи с этим целесообразно в разделе XI УК РФ выделить соответствующие главы, решив таким образом не только проблему родового и видового объектов преступлений против военной службы, исключив дальнейшие споры, но и разрешив вопрос структуры указанного раздела УК РФ [11], тем самым, систематизировав как положения уголовного закона, так и формализовав классификацию данных преступлений.

При этом в рамках установленного порядка прохождения военной службы, как указано выше, в качестве его элемента выделяется отдельная сфера военно-служебной деятельности в виде порядка пребывания на военной службе. Основной целью введения уголовной ответственности за нарушение последнего является пресечение уклонения от военной службы и поддержание дисциплины в армии. Более того, без уголовно-правовой охраны установленного порядка пребывания на военной службе видится бессмысленной защита иных сфер военно-

служебной деятельности, потому как уклонение от военной службы изначально исключает возможность исполнения иных воинских обязанностей, что делает данный порядок ключевым.

Порядок поступления на военную службу по призыву представляет собой элемент порядка военного управления, который при этом тесно взаимосвязан с военной безопасностью, включая воинскую обязанность.

Соответственно, посягательство на данный порядок (ст. 328 УК РФ) предусмотрено в главе 32 УК РФ, поскольку на основании ст. 1 Федерального закона о воинской обязанности органы военного управления (государственные и муниципальные органы публичной власти) уполномочены организовывать исполнение гражданами воинской обязанности. Таким образом, обеспечение исполнения воинской обязанности как в форме призыва лиц на военную службу, так и ее замены на прохождение альтернативной гражданской службы имеет собственную организационную структуру, процедуры и мероприятия, сроки их выполнения, субъектов, наделенных властными административными функциями, на которых возлагаются полномочия по исполнению мероприятий по призыву, принятию необходимых распорядительных документов, решению иных задач обеспечения исполнения воинской обязанности, а, в итоге, обеспечению военной безопасности и обороны страны в целом [12].

Установленный порядок призыва на военную службу или поступления на альтернативную гражданскую службу в случае ее замены представляет собой элемент такого более широкого понятия, как порядок формирования и комплектования армии. Последний имеет публичный управленический характер, так как невозможен без государственного административного аппарата, обладающего общегосударственными управленическими функциями [13 ; 14].

Соответственно, элементом военной безопасности является порядок организации военного управления, который образован в целях формирования и комплектования военной организации государства и одновременно выступает частью порядка управления в стране в целом. Последний отнесен уголовным законом к родовому объекту преступлений, включаемых в главу 32 УК.

Из сказанного следует, что установленный порядок исполнения воинской обязанности включает:

порядок поступления на военную службу по призыву или на альтернативную гражданскую службу при ее замене;

порядок пребывания на военной службе.

Изложенное позволяет прийти к выводу, что преступное уклонение от исполнения воинской обязанности может быть выражено в двух разновидностях деяний, различаемых по объекту посягательства и по субъекту ответственности:

общеуголовные составы преступлений, предусматривающие уголовную ответственность граждан РФ за уклонение от призыва, то есть поступления на военную службу по призыву или от альтернативной гражданской службы при ее замене (ст. 328 УК РФ);

специальные составы преступлений, предусматривающие уголовную ответственность военнослужащих за уклонение от пребывания на военной службе (ст. 337-339, 352.1 УК РФ).

При этом справедливо состав добровольной сдачи в плен (ст. 352.1 УК РФ), который обладает в том числе признаками воинского изменнического преступления, относить к преступлениям, связанным с уклонением от исполнения воинской обязанности, поскольку данное деяние в первую очередь непосредственно посягает на порядок пребывания на военной службе. Совершая данное преступление, военнослужащие добровольно сдаются в плен к неприятелю,

тем самым полностью уклоняясь от несения своих служебных обязанностей [15].

Таким образом, среди преступлений, посягающих на военную безопасность как уголовно-охраняемое благо, самостоятельное место занимают преступления против установленного порядка исполнения воинской обязанности, представляющие собой своего рода подсистему преступлений, посягающих на военную безопасность, включая порядок военного управления и воинскую обязанность [1].

Кроме того, на основании реформирования и эволюции действующего военно-уголовного законодательства [10] в связи с исключением положений ч. 3 ст. 331 УК РФ рассматриваемые преступления теперь следует подразделять на преступления, совершаемые в как в обычных, так и в особых условиях. В частности, особые условия характерны для периодов мобилизации, военного положения, военного времени, вооруженного конфликта, ведения боевых действий [16]. В свою очередь, обычные условия, наоборот, исключают наличие перечисленных периодов. Таким образом, рассматриваемые преступления в зависимости от критерия времени и обстановки совершения подразделяются на преступления, совершаемые:

только в обычных условиях (ст. 328 УК РФ);

как в обычных, так и в особых условиях (ст. 337-339 УК РФ);

только в особых условиях (ст. 352.1 УК РФ).

В связи с изложенным уголовный закон дифференцирует ответственность за неисполнение воинской обязанности в зависимости от особых условий, касающихся обстановки и времени. Такая дифференциация исходит из правового регулирования отношений, складывающихся на военной службе в настоящее время.

Резюмируя сказанное, можно сформулировать ряд ключевых выводов и предложений.

1. Военную безопасность необходимо рассматривать в качестве родового объекта преступлений против военной службы (разд. XI УК РФ). В связи с этим целесообразно военную безопасность закрепить в перечне уголовно-охраняемых благ, для чего ч. 1 ст. 2 УК РФ следует изложить в следующей редакции: «1. Целью настоящего Кодекса является обеспечение национальной безопасности. Для достижения данной цели ставятся задачи по охране прав и свобод человека и гражданина, собственности, общественного порядка и общественной безопасности, окружающей среды, конституционного строя и военной безопасности Российской Федерации от преступных посягательств, обеспечение мира и безопасности человечества, а также предупреждение преступлений» [17], а раздел XI УК РФ – назвать «Преступления против военной безопасности».

2. Раздел XI УК РФ необходимо систематизировать и структурировать путем выделения в нем глав и разновидностей соответствующих преступлений в зависимости от критерия их посягательства на те или иные сферы военно-служебной деятельности:

преступления против порядка воинских уставных взаимоотношений (ст. 332-336 УК);

преступления против порядка пребывания на военной службе (ст. 337-339, 352.1 УК);

преступления против порядка несения специальных (охраных) видов военной службы (ст. 340-344 УК);

преступления против порядка сбережения военного имущества (ст. 345-348 УК);

преступления против порядка эксплуатации военно-технических средств (ст. 349-352 УК).

3. Нормативным выражением военной безопасности является установленный

порядок прохождения военной службы, который регулируется воинским законодательством и включает различные сферы военно-служебной деятельности. Данное обстоятельство оказывает воздействие на нормы всех статей УК РФ о преступлениях против военной службы. В частности, по своему содержанию они являются бланкетными и отсылают к соответствующим актам воинского законодательства и могут применяться только на основании содержания последнего.

4. Добровольную сдачу в плен (ст. 352.1 УК РФ) следует относить к преступлениям, связанным с уклонением от исполнения воинской обязанности, так как данное действие в первую очередь непосредственно посягает на установленный порядок пребывания на военной службе.

5. Учитывая особую значимость для страны военной безопасности и первостепенную роль армии в ее обеспечении, защита Отечества признается конституционным долгом и обязанностью граждан и именуется воинской обязанностью. Последняя в равной степени возлагается как на граждан, подлежащих призыву на военную службу, так и военнослужащих, находящихся на действительной военной службе (проходящих ее). Из этого следует, что установленный порядок исполнения воинской обязанности включает:

порядок поступления на военную службу по призыву или на альтернативную гражданскую службу в порядке замены военной службы;

порядок пребывания на военной службе.

6. Уголовный закон включает нормы о составах преступлений, связанных с уклонением от исполнения воинской обязанности, которые составляют подсистему, включающую деяния, направленные против военной безопасности и против порядка военного управления. Данная подсистема содержит

две разновидности деяний в зависимости от критериев объекта посягательства и субъекта ответственности:

общеголовные составы преступлений против установленного порядка поступления на военную службу по призыву (в том числе в порядке мобилизации) или на альтернативную гражданскую службу в связи с заменой, совершаемые гражданами, подлежащими призыву (ст. 328 УК РФ);

специальные составы преступлений против установленного порядка пребывания на военной службе, совершаемые военнослужащими, находящимися на действительной военной службе (ст. 337-339, 352.1 УК РФ).

7. Преступления, связанные с уклонением от исполнения воинской обязанности, в зависимости от критерия времени и обстановки их совершения подразделяются на преступления, совершаемые:

только в обычных условиях (ст. 328 УК РФ);

как в обычных, так и в особых условиях (ст. 337-339 УК РФ);

только в особых условиях (ст. 352.1 УК РФ).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Зателепин О. К. Уголовно-правовое обеспечение военной безопасности Российской Федерации (вопросы теории, законодательства и практики) : монография. Вып. 135. Москва : За права военнослужащих, 2013. 192 с.

2. Зателепин О. К. Военная безопасность Российской Федерации как объект уголовно-правовой охраны // Обеспечение национальной безопасности – приоритетное направление уголовно-правовой, криминологической и уголовно-исполнительной политики : материалы XI Рос. Конгресса уголовного права, 31 мая – 1 июня 2018 г. Москва : Юрлитинформ, 2018. С. 368–370.

3. Закомолдин Р. В. О разграничении национальной, государственной и военной

безопасности в контексте уголовно-правовой охраны // Реакция государства на преступное поведение, уголовно-правовое воздействие и уголовная ответственность в системе мер обеспечения национальной безопасности : сборник материалов Круглого стола, г. Тольятти, 24 ноября 2020 г. / редкол. В. К. Дуюнов, Р. В. Закомолдин ; Ин-т права Тольяттинского гос. ун-та. Самара, 2020. С. 24–27.

4. Корякин В. М., Лагашкина Ю. В. Альтернативная гражданская служба как форма исполнения гражданами конституционной обязанности защищать Отечество // Военное право. 2020. № 2 (60). С. 106–114.

5. Меркуьев В. В., Агапов П. В., Закомолдин Р. В. Об уголовной ответственности за уклонение от призыва на военную службу в порядке мобилизации // Военно-юридический журнал. 2023. № 1. С. 5–8.

6. Закомолдин Р. В. Уголовно-правовое обеспечение исполнения конституционной обязанности по защите Отечества // Конституционные основы уголовного права : материалы I Всерос. Конгресса уголовного права, посвящ. 10-летию Уголовного кодекса РФ. Москва : ТК Велби : Проспект, 2006. С. 198–200.

7. Боев В. И., Кочубей М. А., Новиков А. П. Война и уголовный закон. Москва : Норма, 2009. 208 с.

8. Закомолдин Р. В. Специальная бланкетная противоправность как признак преступлений, нарушающих специальные правила (на примере статей 340-344 УК РФ) // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2019. № 1 (40). С. 5–10.

9. Закомолдин Р. В. Уголовно-правовое воздействие на военнослужащих в механизме обеспечения военной безопасности // Военно-юридический журнал. 2021. № 3. С. 7–10.

10. Данилов П. С., Сенокосова Е. К. Новый период эволюции системы преступлений против военной службы //

Юридические исследования. 2023. № 7. С. 54–70.

11. Закомолдин Р. В. О формальном аспекте регламентации уголовно-правового воздействия в отношении военнослужащих в УК РФ // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2021. № 1 (40). С. 5–11.

12. Соколова О. В. О некоторых вопросах уголовно-правовой охраны законодательных положений ст. 59 Конституции РФ // Конституционные основы уголовного права : материалы I Всерос. Конгресса уголовного права, посвящ. 10-летию Уголовного кодекса РФ. Москва : ТК Велби : Прогресс, 2006. С. 563–565.

13. Янковский М. Проблемы квалификации уклонения от призыва на военную службу // Законность. 2001. № 3. С. 33–35.

14. Рамазанов Г. Р. Уклонение от прохождения военной и альтернативной гражданской службы : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Махачкала, 2005. 21 с.

15. Закомолдин Р. В. О месте состава добровольной сдачи в плен в системе преступлений против военной службы // Ответственность за преступления против мира и безопасности человечества, совершенные националистическим режимом Украины, дискредитацию органов государственной власти и Вооруженных Сил Российской Федерации : сб. материалов науч.-практ. семинара (Москва, 26 апр. 2023 г.) / науч. ред. В. В. Меркуьев, П. В. Агапов. Москва, 2023. С. 36–40.

16. Мелехин А. В. Особые правовые режимы Российской Федерации : монография. Москва : Акад. управления МВД России, 2008. 143 с.

17. Закомолдин Р. В., Дуюнов В. К. О необходимости закрепления категорий «национальная безопасность» и «военная безопасность» в уголовном законе // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2020. № 3 (42). С. 26–31.

УДК: 343.1

Ибрагимова Алиса Мансуровна,
старший преподаватель кафедры основ организаций и управления в
органах прокуратуры Казанского юридического института (филиала)
Университета прокуратуры Российской Федерации,
ул. Московская, 41, г. Казань, Россия, 420111,
e-mail: alissamansurovna@yandex.ru
ORCID: 0009-0008-1245-7928

К ВОПРОСУ О НЕОБХОДИМОСТИ СИСТЕМНОГО ТОЛКОВАНИЯ НОРМ ОБ ИСЧИСЛЕНИИ СРОКОВ РАЗРЕШЕНИЯ ЖАЛОБ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Аннотация. В статье анализируются положения УПК РФ, регламентирующие порядок исчисления сроков рассмотрения и разрешения жалоб в соответствии со статьей 124 УПК РФ. Анализируются особенности реализации этих норм в практике органов прокуратуры Российской Федерации. Раскрываются сложности в правоприменении при определении сроков рассмотрения жалоб. Автором предпринята попытка обосновать необходимость толкования статьи 124 УПК РФ при ее применении во взаимосвязи с положениями других статей УПК РФ и обеспечивать выполнение срока рассмотрения и разрешения жалоб в уголовном процессе своей гарантийной функции при реализации гражданами права на защиту в уголовном судопроизводстве в разумный срок.

Ключевые слова: жалоба участника уголовного судопроизводства, сроки рассмотрения и разрешения жалоб, процессуальные сроки в уголовном процессе, рассмотрение жалоб прокурором.

Ibragimova Alisa Mansurovna,
senior Lecturer of the Department of Fundamentals of Organization
and Management in the Prosecutor's Office Kazan Law Institute (branch)
University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation,
41 Moskovskaya str., Kazan, Russia, 420111,
e-mail: alissamansurovna@yandex.ru
ORCID: 0009-0008-1245-7928

ON THE ISSUE OF THE NECESSITY OF SYSTEMIC INTERPRETATION OF THE RULES ON THE CALCULATION OF TERMS FOR RESOLUTION OF COMPLAINTS IN CRIMINAL PROCEDURES

Annotation. The article analyzes the provisions of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation regulating the procedure for calculating the terms of consideration and resolution of complaints in accordance with Article 124 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation. The features of the implementation of these norms in the practice of the Prosecutor's Office of the Russian Federation are analyzed. The difficulties in law enforcement in determining the terms of consideration of complaints are revealed. The author attempts to substantiate the need to interpret Article 124 of the Code of Criminal Procedure when it is applied in conjunction with the provisions of other articles of the Code of Criminal Procedure and to ensure that the term for consideration and resolution of complaints in criminal proceedings fulfills its guarantee function when citizens exercise the right to defense in criminal proceedings within a reasonable time.

Key words: complaint of a participant in criminal proceedings, terms of consideration and resolution of complaints, procedural terms in criminal proceedings, consideration of complaints by the prosecutor.

Значение сроков в уголовном процессе сложно переоценить. Не только от правильности применения отдельных сроков, но и от правильности их исчисления зависит реализация назначения уголовно-процессуального законодательства по защите прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, защите личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод, в разумный срок.

В постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.12.2007 № 52 (ред. от 09.02.2012) «О сроках рассмотрения судами Российской Федерации уголовных, гражданских дел и дел об административных правонарушениях» указано, что несоблюдение сроков рассмотрения уголовных, гражданских дел и дел об административных правонарушениях существенно нарушает конституционное право каждого на судебную защиту своих прав и свобод. То есть соблюдение процессуальных сроков является своего рода условием обеспечения реализации указанных прав и свобод.

Причем это условие распространяется не только на судебную, но и на досудебную стадию уголовного судопроизводства.

Необходимо отметить, что помимо процессуальной (досудебной и судебной) в уголовном процессе Российской Федерации выделяется и непроцессуальная стадия, предшествующая началу предусмотренных УПК РФ юридически значимых событий [1, с. 133–139]. На ней осуществляется проверка сообщения о преступлении.

Законность, разумность сроков всех действий и решений, предшествующих судебной стадии, определяет соответствие всем требованиям уголовно-

процессуального закона завершающей стадии уголовного процесса.

Следовательно, вопросы применения и соблюдения правил исчисления сроков в ходе всей «жизни» уголовного дела, материала доследственной проверки имеет существенное значение как гарантия защиты прав и свобод личности [2, с. 24].

Наиболее важным инструментом воздействия на правоограничительные механизмы уголовного процесса служит институт обжалования действий (бездействий) и решений органов и должностных лиц, осуществляющих досудебное уголовное производство.

Поэтому соблюдение сроков рассмотрения и разрешения жалоб на действия (бездействие) и решения органов и должностных лиц, осуществляющих досудебное уголовное производство, имеет важное значение.

В соответствии со ст. 124 УПК РФ, прокурор, руководитель следственного органа рассматривают жалобу в течение трех суток со дня ее получения. Когда для проверки жалобы необходимо истребовать дополнительные материалы либо принять иные меры, допускается рассмотрение жалобы в срок до 10 суток, о чем извещается заявитель. Как видно из положений статьи 124 УПК РФ начало срока рассмотрения жалобы начинает исчисляться со дня ее получения. В то же время, согласно статье 128 УПК РФ сроки исчисляются в часах, сутках, месяцах.

То есть законодатель в статье 124 УПК РФ предлагает начать исчислять срок рассмотрения жалобы со дня ее получения, хотя исчисление сроков в днях уголовно-процессуальное законодательство не предусматривает.

Таким образом, мы видим, что законодатель, установив исчисление сроков в сутках, применяет к содержанию статьи 124 УПК РФ термин «день». По

нашему мнению, это обстоятельство порождает правовую неопределенность относительно того, с какого конкретно времени начинает исчисляться срок рассмотрения жалобы.

Учитывая, что в сутках 24 часа, и началом срока исчисления первых суток предполагается час получения жалобы лицом, уполномоченным его рассматривать, то уместно предположить, что первые сутки срока наступают ровно через 24 часа, то есть на следующие сутки в то же самое время, когда поступила жалоба.

В связи с этим представляют интерес некоторые решения высших судебных инстанций страны, которые не касаются вопросов рассмотрения жалоб на досудебной стадии уголовного судопроизводства, однако содержат подходы к исчислению процессуальных сроков.

Согласно позиции Конституционного Суда Российской Федерации при исчислении срока содержания под стражей течение срока, то есть его начало определяется днем заключения лица под стражу на основании решения об избрании данной меры пресечения, при этом час заключения под стражу во внимание не принимается, учитываются полные сутки с 00 часов 00 минут дня избрания меры пресечения¹.

В то же время, по мнению Верховного Суда Российской Федерации, разъяснившего порядок исчисления срок обжалования решения суда осужденным, при определении начала срока обжалования не принимаются во внимание тот час и те сутки, которыми начинается течение срока. Тем самым, первым днем срока обжалования является не день вручения копии судебного решения, а следующий за ним день².

Первый вариант искусственно сокращает процессуальный срок, второй – увеличивает, а вместе создают возможность двойственного толкования.

Вместе с тем, по смыслу статьи 128 УПК РФ порядок исчисления сроков в уголовном процессе должен быть единым.

Несмотря на имеющуюся двойственность в правилах исчисления, можно проследить тенденцию определения начала исчисления срока характером затрагиваемых вопросов, которые ухудшают либо улучшают положение подозреваемого, обвиняемого, осужденного либо иного участника уголовного процесса. Иными словами, если начало исчисления срока с 00 часов 00 минут первых суток улучшает положение заинтересованного лица, то первыми сутками считаются те, в которых произошло событие, с которым норма права связывает возникновение, изменение или прекращение прав, обязанностей, ограничений. А если при таком подходе наблюдается ухудшение положения, то первыми считаются сутки, следующие за теми, в которых произошло юридически значимое событие.

На первый взгляд такой подход соответствует принципу о запрете поворота к худшему в состязательном уголовном процессе [3, с. 7–12]. А также назначению уголовного процесса о защите личности.

Однако дополнительные сложности в исчислении сроков возникают в связи с тем, что в статье 124 УПК РФ однозначно указано окончание срока рассмотрения жалобы, указывая, что он истекает в 24 часа последних суток. При неопределенности начала этого срока и возможности начала исчисления с того часа, в котором получена жалоба и его истечении в этом случае в тот же час третьих суток, как описано выше, обоснованно возникает предположение,

¹ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Азербайджанской Республики Гасымова Руфана Ариф оглы на нарушение его конституционных прав пунктом 15 статьи 5 и статьей 92 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного суда Российской Федерации от

28 января 2016 г. № 119-О. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Обзор кассационной практики Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации за второе полугодие 2011 года. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

что законодатель тем самым предусмотрел дополнительное время для рассмотрения и разрешения жалобы.

Другим аспектом проблемы является неопределенность в моменте получения жалобы.

Рассмотрим на примере порядка разрешения обращений в органах прокуратуры.

Применительно к органам прокуратуры, обращения, а также жалобы, рассматриваемые и разрешаемые по правилам статьи 124 УПК РФ, могут направляться в письменном виде по почте, подаваться в ходе личного приема, посещения прокуратуры, а также в электронном виде¹.

Существуют различные способы подачи электронного обращения: электронная почта; интернет-приемная органа государственной власти или местного самоуправления, специализированные государственные интернет-порталы (ЕПГУ); специальные электронные терминалы, установленные в помещениях органов власти или многофункциональных центров; обращения, записанные на съемный носитель информации (флэш-карту, диск) [4, с. 42–43].

Любое обращение, поступившее в органы прокуратуры должно быть зарегистрировано. Во всех случаях, до момента официальной регистрации обращение или уголовно-процессуальная жалоба проходят обработку сотрудником делопроизводственной службы и только после этого происходит официальная регистрация и присваивается входящий номер.

В связи с этим возникает вопрос о том, считаются ли обращение или уголовно-процессуальная жалоба, поступившие, но не зарегистрированные, полученными органом прокуратуры. Либо только

зарегистрировав и присвоив входящий номер, то есть с момента официального признания обращения или уголовно-процессуальной жалобы поступившими, они считаются полученными.

Здесь необходимо учесть, что вся поступающая в органы прокуратуры корреспонденция проходит первичную обработку, так как возникают ситуации, когда обращение или уголовно-процессуальная жалоба по разным причинам могут попасть ошибочно, в том числе ввиду не знания или неправильного указания наименования органа прокуратуры, просчетов в работе почтовой службы, а следовательно, все обращения и уголовно-процессуальные жалобы нуждаются в первичной обработке. И такие ошибочно попавшие жалобы подлежат направлению по принадлежности либо возвращению в отделение почтовой связи².

Кроме того, с введением электронного документооборота в органах и организациях прокуратуры и внедрением автоматизированного информационного комплекса «Надзор-WEB» все обращения, в том числе и уголовно-процессуальные жалобы регистрируются в этом информационном комплексе и здесь же отражается момент их получения посредством выбора способа доставки и присвоения регистрационного номера. С этого момента начинает исчисляться срок рассмотрения обращения или уголовно-процессуальной жалобы в программном решении. Это обстоятельство служит еще одним подтверждением необходимости четкой конкретизации момента официального получения обращения или уголовно-процессуальной жалобы.

Зачастую, электронные обращения и уголовно-процессуальные жалобы поступают в органы прокуратуры по каналам электронной связи в нерабочее время, о чем работники прокуратуры не

¹ См. ст. 4: О порядке рассмотрения обращений граждан в Российской Федерации : Федеральный закон от 02 мая 2006 г. № 59-ФЗ. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

² См., например: Инструкция по делопроизводству в органах и организациях прокуратуры Российской

Федерации : утвержденная приказом Генерального прокурора Российской Федерации от 29 декабря 2011 г. № 450. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

знают. Становится им это известно только в первый рабочий день после выходных, в который происходит его официальная регистрация, а как указано выше, именно с нее начинается исчисление срока рассмотрения жалобы. Таким образом, нерабочие дни «выпадают» из срока, что увеличивает период рассмотрения обращения или уголовно-процессуальной жалобы.

Хотя по смыслу статьи 128 УПК РФ при исчислении сроков учитываются и нерабочие дни, с одной лишь особенностью, что при исчислении сроков заключения под стражу, домашнего ареста, запрета определенных действий и нахождения в медицинской организации, оказывающей медицинскую помощь в стационарных условиях, или в медицинской организации, оказывающей психиатрическую помощь в стационарных условиях, последний день срока, выпадающий на нерабочий день, заканчивается в этот день и не переносится на первый рабочий день, а во всех остальных случаях переносится.

Тем самым, при исчислении срока рассмотрения жалобы в него включаются и сутки, выпадающие на нерабочие дни, и в случае поступления жалобы в нерабочие дни срок их рассмотрения исчисляется не с первого рабочего дня, следующего за нерабочими, как в приведенном выше случае, а с учетом дня его поступления.

И предусмотренное Законом о порядке рассмотрения обращений граждан правило трехдневной регистрации обращения гражданина с момента поступления, с которой начинается исчисление срока рассмотрения обращения, закрепленное в статье 8 этого закона, не распространяется на жалобы, рассматриваемые в порядке статьи 124 УПК РФ. Так как согласно части 2 статьи 1 Закона о порядке рассмотрения обращений граждан уголовно-процессуальные жалобы рассматриваются в специальном порядке, предусмотренном УПК РФ. Следовательно, разрешение жалоб в уголовном процессе не

регулируется Законом о порядке рассмотрения обращений граждан и Инструкцией о порядке рассмотрения обращений и приема граждан в органах прокуратуры, утвержденной приказом Генерального прокурора Российской Федерации от 30.01.2013 № 45.

В органах прокуратуры действует специальный приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 24.08.2021 № 487 «О порядке рассмотрения жалоб на действия (бездействие) и решения дознавателя, начальника подразделения дознания, начальника органа дознания, органа дознания, следователя, руководителя следственного органа и прокурора».

Однако и он не содержит положений, конкретизирующих нормы УПК РФ, касающихся исчисления сроков рассмотрения жалоб участников уголовного судопроизводства на досудебной стадии.

В юридической литературе есть мнение о том, что сроки, установленные УПК РФ для рассмотрения и разрешения жалоб, являются недостаточными и требуется их увеличение до 5 суток, в том числе, по аналогии со сроками рассмотрения и разрешения жалоб судом в порядке статьи 125 УПК РФ и их дифференциация по доводам, которые содержатся в жалобе [5, с. 153–157].

Не соглашаясь с необходимостью таких изменений, полагаем, что фактически жалобы и без их законодательного увеличения рассматриваются за пределами сроков, закрепленных в статье 124 УПК РФ. Этому способствует неясность момента получения жалобы, в том числе ввиду применения отлагательного метода при исчислении сроков, отведенных для регистрации.

Именно это обстоятельство способствует увеличению сроков рассмотрения жалоб. Внесение изменений в УПК РФ в части увеличения сроков рассмотрения жалоб поспособствует еще

большой возможности для волокиты при рассмотрении жалоб.

Следующая проблема кроется в отсутствии в статье 124 УПК РФ конкретных случаев, обосновывающих необходимость продления 3-суточного срока до 10 суток, так как не во всех случаях продление сроков является обоснованным.

Например, по мнению Генеральной прокуратуры Российской Федерации, в продлении срока рассмотрения и разрешения обращения до 10 суток для истребования копии постановления о продлении срока расследования и копии журнала исходящих документов в случае, когда в жалобе ставится вопрос о несообщении органом следствия сведений о продлении срока расследования уголовного дела, нет необходимости. В этом случае достаточно 3 суток¹.

Следовательно, сама по себе необходимость истребования ряда материалов, документов не может свидетельствовать о возможности продления срока разрешения обращения.

В этой связи представляется, что законодатель, формулируя в качестве основания для продления срока рассмотрения и разрешения обращения необходимость истребования дополнительных материалов, имел ввиду не материалы, дополнительные к самой жалобе, а материалы, дополнительные к ранее полученным в ходе рассмотрения и разрешения жалобы в пределах 3 суток, следя правила недопустимости расширительного толкования норм уголовного и уголовно-процессуального права.

Такой подход находит свое отражение и в юридической литературе. По мнению Н. В. Горак разрешение жалобы включает в себя:

- истребование необходимых документов;

- анализ собранных материалов на предмет выявления нарушений закона и конституционных прав граждан;

- направление заявителю ответа на жалобу вместе с постановлением;

- возврат в органы предварительного расследования запрошенных материалов проверок и уголовных дел;

- продление срока разрешения жалобы и уведомление об этом заявителя. Последняя выделяется не как основная, а как факультативная [4, с. 142–143].

Подводя итог, полагаем необходимым во всех случаях положения статьи 124 УПК РФ в части исчисления сроков применять во взаимосвязи с положениями статьи 128 УПК РФ и статьи 6 УПК РФ, и определять начало их течения исходя из гарантийной функции процессуальных сроков в защите личности и ее прав и законных интересов в уголовном процессе. Руководствуясь этим же положением необходимо учитывать возможность продления с 3 суток до 10 суток для проведения проверки жалобы только в случае необходимости истребования дополнительных материалов к ранее полученным при рассмотрении и разрешении жалобы в пределах 3 суток.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Россинский С. Б. Стадия возбуждения уголовного дела: безоговорочно упразднить либо попытаться понять подлинные причины ее возникновения? // Актуальные проблемы российского права. 2021. № 6. С. 133–139.
2. Мордвинов А. В. Процессуальные сроки: особенности установления и исчисления при производстве предварительного расследования : дис. ... канд. юрид. наук. Ижевск, 2021. 252 с.
3. Будылин Н. В. Запрет на поворот к худшему как составляющая принципа обвинения в уголовном судопроизводстве // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». 2022. Т. 22. № 4. С. 7–12.

¹ Справка о результатах проверки организации работы по рассмотрению обращений и приему граждан в прокуратуре Кировской области

от 19.04.2021. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс». Документ опубликован не был.

4. Григорьева Н. В. Обращения граждан в органы прокуратуры в форме электронного документа // Актуальные проблемы прокурорской деятельности : сборник материалов научно-практической конференции. Москва, 2022.

5. Горак Н. В. Обжалование прокурору действий (бездействия) и решений органов

предварительного расследования : дис ...
канд. юрид. наук. Краснодар, 2017.

УДК: 343.2

Федорова Елена Леонидовна,
ассистент кафедры публичного права,
заместитель декана юридического факультета по воспитательной работе
Чувашского государственного университета им. И. Н. Ульянова,
Московский пр-т, д. 15, г. Чебоксары, Россия, 428015,
e-mail: lenleon25@yandex.ru

**ОСОБЕННОСТИ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕВЫШЕНИЯ ПОЛНОМОЧИЙ
ЧАСТНЫМ ДЕТЕКТИВОМ ИЛИ РАБОТНИКОМ ЧАСТНОЙ ОХРАННОЙ
ОРГАНИЗАЦИИ, ИМЕЮЩИМ УДОСТОВЕРЕНИЕ ЧАСТНОГО ОХРАННИКА, ПРИ
ВЫПОЛНЕНИИ ИМИ СВОИХ ДОЛЖНОСТНЫХ ОБЯЗАННОСТЕЙ**

Аннотация. На теоретической базе уголовного права и на основе анализа правоприменительной практики рассмотрены актуальные проблемы квалификации превышения полномочий частным детективом и работником частной охранной организации. Конкретизирован объем полномочий субъекта преступления, просмотренного ст. 203 УК РФ. Уточнены критерии существенности вреда, причиненного превышением должностных полномочий указанным субъектом. Сформулированы принципы отграничения данного преступления от смежных с ним по объекту преступного посягательства и наступившим последствиям. Поддержано предложение об исключении частного детектива из числа субъектов рассматриваемого преступления.

Ключевые слова: уголовная ответственность, квалификация преступления, превышение полномочий, частный детектив, сотрудник частной охранной организации.

Fedorova Elena Leonidovna,
Assistant at the Department of Public Law,
Deputy Dean of the Faculty of Law for educational work
Chuvash State University named after. I. N. Ulyanova,
Moskovsky Ave., 15, Cheboksary, Russia, 428015,
e-mail: lenleon25@yandex.ru

**FEATURES OF QUALIFICATIONS FOR EXCEEDING POWER BY A PRIVATE
DETECTIVE OR AN EMPLOYEE OF A PRIVATE SECURITY ORGANIZATION WITH A
PRIVATE GUARD CERTIFIED IN THE PERFORMANCE OF THEIR OFFICIAL DUTIES**

Annotation. On the theoretical basis of criminal law and on the basis of an analysis of law enforcement practice, current problems of qualifying abuse of power by a private detective and an employee of a private security organization are considered. The scope of powers of the subject of the crime, reviewed by Art. 203 of the Criminal Code of the Russian Federation. The criteria for the significance of harm caused by abuse of official powers by the specified entity have been clarified. The principles of delimiting this crime from related ones based on the object of the criminal offense and the resulting consequences are formulated. The proposal to exclude the private detective from the list of subjects of the crime under consideration was supported.

Key words: criminal liability, qualification of a crime, abuse of power, private detective, employee of a private security organization.

Как свидетельствует статистика, количество преступлений, предусмотренных ст. 203 УК РФ, из года в год остается стабильно высоким. Так, в 2022 г. было зарегистрировано 34 преступления данной категории, выявлено 36 лиц, совершивших указанное преступление. Кроме того, несмотря на применение положений Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 июня 2021 г. № 21 «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против интересов службы в коммерческих и иных организациях (статьи 201, 201¹, 202, 203 Уголовного кодекса Российской Федерации)», в правоприменительной деятельности по-прежнему остается невыясненным ряд вопросов, связанных с квалификацией данного преступления.

Так, круг субъектов преступления, предусмотренных ст. 203 УК РФ, нельзя признать достаточно определённым, что затрудняет квалификацию деяний по данной статье. Соответственно, цель настоящей работы формулируем как конкретизацию круга субъектов указанного преступления. В ходе проведенного исследования использовались общенаучные методы (анализ, синтез, сравнение и обобщение, дедуктивный метод). Формально-логический метод применен для анализа законодательства Российской Федерации. Привлечены материалы современных научных публикаций по проблемам уголовного права, а также уголовно-процессуальной науки. Обобщен фактологический материал следственной и судебной практики.

Деятельность частных детективов и частных охранных организаций регламентирована нормами Конституции Российской Федерации и Законом Российской Федерации от 11.03.1992 № 2487-1 (ред. от 04.08.2023) «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации». Частным детективам и сотрудникам частных

охраных организаций запрещено совершать действия, посягающие на конституционные права и свободы граждан [1 ; 2]. Закон исключает для работников частных детективных и частных охранных организаций совершение каких-либо действий, угрожающих жизни и здоровью граждан. Закон запрещает посягательства на их честь и достоинство со стороны лиц указанной категории. Имущество граждан также находится под защитой закона, регламентирующего детективную и охранную деятельность (ст. 3 упомянутого Закона). Деятельность организаций охранного направления и действия их сотрудников призваны содействовать правоохранительным органам в обеспечении правопорядка (ст. 7 Закона «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации»).

Согласно букве указанного Закона, для частных охранных организаций определено пространство реализации профессиональных задач [3 ; 4]. Законом очерчены основная и прилегающая к ней территории оказания охранных услуг и осуществления деятельности по оказанию содействия правоохранительным органам. На указанных территориях частные детективы и сотрудники частных охранных организаций содействуют правоохранительным органам в раскрытии преступлений, а также реализуют задачи криминологической профилактики преступлений и административных правонарушений [5 ; 6].

Таким образом, в случае, когда частный детектив или частный охранник выходит за пределы зоны предоставленных законом полномочий, то его действия могут нарушить права и охраняемые законом интересы физических и юридических лиц. Например, объективная сторона преступления, совершающегося частным детективом, может выражаться в проведении им оперативно-розыскных мероприятий. Таким же образом можно квалифицировать и проведение указанным субъектом личного досмотра,

необоснованного задержания, причинения вреда здоровью, и т.п. Так, объективной стороной преступления, совершающегося частным детективом или сотрудником частной охранной организации становится выходящее за его компетенцию нарушение охраняемых законом интересов общества или государства.

Выделяем признаки выхода субъекта частной детективной или частной охранной деятельности за пределы собственных полномочий. Эти признаки приобретают значение в плане установления общественной опасности от превышения полномочий лицом, осуществляющим частную детективную или частную охранную деятельность. Очевидно, что квалификацию деяния по ст. 203 УК РФ следует начинать с установления объема прав и обязанностей данного субъекта, а также с уточнения законных оснований для осуществления им соответствующих прав и обязанностей (наличие лицензии на осуществление детективной или охранной деятельности, содержание договора на осуществление детективной или охранной деятельности). Далее следует выяснить, какие конкретно законные интересы личности или государства были нарушены, и в чем это выражалось. Тогда, на основании установленных сведений возможно определение логической связи между совершенным деянием и выполнением со стороны частного детектива или частного охранника своей служебной деятельности. Установление такой связи определяет субъекта преступления как именно частного детектива или сотрудника частной охранной организации [7]. В противном случае, деяние данного лица следует квалифицировать не как служебное преступление, а как преступление общеуголовное.

На основании общей теории уголовного права определим критерии отнесения преступления к служебному, совершенному частным детективом или

сотрудником частной охранной организации [8]. Во-первых, это возможность совершения деяния именно за счет служебного положения данного лица. Во-вторых, подчеркиваем, что необходимым условием преступления рассматриваемого вида явилось использование виновным служебного положения частного детектива или сотрудника частной охранной организации [9 ; 10].

Как показывает изученная нами правоохранительная практика, превышение своих полномочий частными детективами и сотрудниками частных охранных организаций осуществляется в форме применения насилия. Так, гр. С., занимая должность охранника частного охранного предприятия, прибыв по тревожному вызову в помещение охраняемого объекта, обнаружил в нем постороннего гр. З. В результате спонтанно возникших между указанными лицами неприязненных отношений, охранник С. нанес ранее незнакомому ему гр. З побои, повлекшие стойкое расстройство здоровья, определенное в дальнейшем как тяжкое по признаку опасности для жизни.

В данном случае, охранник С. вышел за пределы своих полномочий, регламентированных законодательством Российской Федерации. Налицо существенное нарушение охраняемых законом прав, принадлежащих потерпевшему гр. З., выражившееся в применении к нему насилия и повлекшие тяжкие последствия. В данном случае суд правильно оценил действия виновного и квалифицировал их по ч. 2 ст. 203 УК РФ¹. По данному поводу отметим, что по смыслу ч. 2 ст. 203 УК РФ насилие понимается независимо от степени его опасности для жизни или здоровья. Насилие, опасное для жизни или здоровья трактуется как насильственные действия, примененные к потерпевшему (побои, причинение физической боли, связывание рук и иное ограничение свободы, и т. п.). Применение

¹ Архив Металлургического районного суда г. Челябинска за 2017 г. Дело № 1-117/2017.

насилия, опасного для жизни или здоровья, предусмотрено ч. 2 ст. 203 УК РФ и не требует дополнительной квалификации. Последствиями такого насилия могут быть тяжкий или средней тяжести вред здоровью, кратковременное расстройство здоровья, утрата потерпевшим трудоспособности.

Отметим, что если должностным лицом рассматриваемой категории причинен тяжкий вред здоровью потерпевшего, то содеянное требует дополнительной квалификации по соответствующей части ст. 111 УК РФ. В случае смерти потерпевшего, вызванной неосторожными действиями частного детектива или сотрудника охранной организации, содеянное следует квалифицировать по совокупности преступлений, т. е. по ч. 2 ст. 203 и ч. 4 ст. 111 УК РФ.

Рассмотрим другие проблемы практики установления общественно опасных последствий от действий рассматриваемого характера [11 ; 12]. Так, трудности толкования вызывает характеристика существенного нарушения прав потерпевшего. До настоящего времени не удается формализовать степень существенности причиненного вреда как последствия указанного деяния. Оценочная категория существенности может быть конкретизирована судебным решением по рассматриваемому делу. По данному поводу действует постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 июня 2021 г. № 21 «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против интересов службы в коммерческих и иных организациях (статьи 201, 201¹, 202, 203 Уголовного кодекса Российской Федерации)», в п. 10 которого существенное нарушение прав трактовано в свете Конституции Российской Федерации, а также общепризнанных принципов и норм отечественного и международного права. Для частного детектива или сотрудника частного охранного предприятия признаки

существенности последствий, в плане ст. 203 УК РФ, связаны с комплексом конституционных прав и свобод потерпевшего. Названы также права и свободы, защищаемые отдельными федеральными законами. К таким правам и свободам отнесены, например, права на уважение чести и достоинства личности, право на неприкосновенность личной и семейной жизни граждан, жилища, право на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений. Однако, такое разъяснение признака существенности, по нашему мнению, нельзя признать достаточно точным.

Действительно, если принять сформулированное упомянутым Пленумом Верховного Суда разъяснение, то можно увидеть опасность произвольного толкования существенности в судебной практике. Так, по нашим наблюдениям, суды в приговорах не указывают, какие конкретно права и законные интересы потерпевшего были нарушены. В результате, не прослеживается причинная связь между нарушением служебных полномочий субъектом рассматриваемого преступления и законными интересами лица, общества и государства, на которые осуществлено посягательство. Ситуацию, сложившуюся в судебной практике, несколько исправляет Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 апреля 1996 г. № 1 «О судебном приговоре».

В п. 8 указанного Постановления отмечено, что если установление вины основано на оценочных категориях (например, таких как тяжкие и особо тяжкие последствия, крупный или значительный ущерб, существенный вред, должностное положение лица, и др.), то суд не ограничивается ссылкой на установленный признак, а приводит в приговоре конкретные обстоятельства, определившие значение указанного оценочного признака.

Критерий существенности нарушения прав потерпевшего (физического или

юридического лица) в уголовном праве детально трактует К. А. Волков. Ученый справедливо отмечает, что вред, причиненный деянием, предусмотренным ст. 203 УК РФ, определяется объемом нарушенных прав, либо охраняемых законом интересов общества или государства [13]. Поэтому критерий существенности вреда, причиненного рассматриваемым преступлением, автор толкует с позиций системности. В отношении данного вопроса, применима аналогия, относительно позиции Верховного Суда РФ по поводу должностных преступлений. Так, детализируя содержание п. 18 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16 октября 2009 г. № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий», можно видеть, что существенность определена объемом нарушенных прав и свобод, гарантированных Конституцией Российской Федерации, нормами отечественного и международного права. Детализировать и дополнить содержание указанного принципа существенности можно за права на судебную защиту и на доступ к правосудию, права на эффективное средство правовой защиты в государственном органе, а также права на компенсацию ущерба, причиненного преступлением [14]. И хотя данная позиция Пленума Верховного Суда РФ относится к злоупотреблениям должностными полномочиями или к превышению должностных полномочий, сформулированный критерий существенности применим, в полной мере, и к последствиям преступления по ст. 203 УК РФ. Тогда оценка существенности вреда, причинённого преступлением, предполагает установление

наличия и степени противоправного воздействия со стороны рассматриваемого субъекта на нормальную жизнедеятельность физического или юридического лица, а также размер причиненного физического и морального ущерба и стоимость поврежденного имущества и др. В рассматриваемом случае, осуществленное частным детективом или сотрудником частной охранной организации злоупотребление должностными полномочиями или превышение их трактовано как воспрепятствование законной деятельности граждан или организаций по достижению законных целей и решению поставленных перед ними задач. Особо отмечаем, что вред, причиненный указанным субъектом преступления, включает и посягательства на нормы морали и нравственности.

Обратимся к судебной практике. Нам встретились примеры неоднозначного толкования тяжких последствий, наступивших в результате совершения рассматриваемого преступления. Например, в одном случае к тяжким последствиям суд отнес причинение легкого вреда здоровью, произошедшее в ходе выдворения охранником потерпевшего с территории охраняемого объекта¹. В другом случае, свое решение суд квалифицировал по ч. 2 ст. 203 УК РФ, указав, что превышение охранником служебных полномочий выразилось в применении насилия, не повлекшего причинение вреда здоровью потерпевшего². Встретилась и иная судебная квалификация насильственных действий сотрудника охранной организации, которые были квалифицированы по ч. 2 ст. 203 УК РФ, но без указания на наличие или отсутствие вреда здоровью³.

¹ Приговор Басманного районного суда города Москвы от 29 июля 2015 г. по уголовному делу № 1-281/2015. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Приговор Новочебоксарского городского суда Чувашской Республики от 25 августа 2015 г. по

уголовному делу № 1-199/15. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Приговор Кировградского городского суда Свердловской области от 21 сентября 2015 г. по уголовному делу № 1-170/2015. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

В связи с изложенным, следует согласиться с мнением В. И. Морозова и А. А. Ереминой по поводу необходимости формирования единобразной правоприменительной практики по делам данной категории. Мы поддерживаем трактовку тяжких последствий рассматриваемого преступления, предложенную авторами: «Под тяжкими последствиями как квалифицирующего признака преступления для целей ч. 2 ст. 203 УК РФ судам следует понимать причинение тяжкого вреда здоровью или смерти по неосторожности, самоубийство или покушение на самоубийство потерпевшего, прекращение деятельности организации или доведение ее до состояния банкротства, иной крупный материальный ущерб» [15]. Вместе с тем, полагаем что такое разъяснение вполне возможно предоставить в рамках судебного толкования. В частности, эта возможность вытекает из Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 июня 2021 г. № 21 «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против интересов службы в коммерческих и иных организациях (статьи 201, 201¹, 202, 203 Уголовного кодекса Российской Федерации)».

Вместе с тем, ограничение рассматриваемого преступления от других, смежных, требует уточнения [16]. Укажем на объективные и субъективные признаки состава рассматриваемого преступления, составляющие его специфику, в отличие от аналогичных преступлений, посягающих на неприкословенность личности, жизнь, здоровье и имущественные права граждан и организаций. Специфику преступления по ст. 203 УК РФ придаёт ее субъект, т. е. лицо, имеющее правовой статус частного детектива, частного охранника или частной охранной организации. Если вред указанным охраняемым интересам личности, организации, общества и государства причинен лицом, не обладающим этим правовым статусом, то

такое деяние следует квалифицировать как общеуголовное преступление.

Еще одно важное правило квалификации отражено в п. 16 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 июня 2021 г. № 21. В нем указаны признаки неправомерных действий частного охранника, совершенных с применением оружия, специальных средств (резиновой дубинки, наручников). Границы компетенции данного субъекта определены основаниями и условиями применения физического воздействия на потерпевшего, использования оружия и специальных средств при осуществлении собственных полномочий. Конкретизацию данного положения, а также условия правомерности причинения вреда при необходимой обороне, крайней необходимости или при задержании лица, совершившего преступление, можно найти в Законе РФ «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации». Проводя квалификацию противоправных деяний рассматриваемого вида, следует также учитывать положения ст. 37 и 38 УК РФ, которые распространяются и на частных охранников, в случае пресечения ими общественно опасных денежный и задержаний лица, или в связи с исполнением своих обязанностей [17]. При этом, если в результате превышения пределов необходимой обороны или мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление, частный охранник совершил убийство или умышленное причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью, то содеянное им при наличии соответствующих признаков подлежит квалификации по ст. 108 или по ст. 114 УК РФ.

В заключение отметим, что современная судебная практика рассмотрения дел по ст. 203 УК РФ касается привлечения к ответственности только частных охранников. В связи с этим поддерживаем предложение об

исключении частных детективов из числа субъектов рассматриваемого преступления. Действительно, в силу специфики деятельности частных детективов, превышение ими своих полномочий и злоупотребление ими, в полной мере поглощается иными нормами Особенной части УК РФ (в частности, ст. ст. 137, 138, 138¹, 183 УК РФ). Сужение круга субъектов преступления, предусмотренного ст. 203 УК РФ, по нашему мнению, существенно стабилизирует следственную и судебную практику правоприменения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ермолович Я. Н. Новая судебная практика Верховного Суда Российской Федерации по квалификации преступлений против интересов службы в коммерческих и иных организациях // Военное право. 2022. № 4 (74). С. 172–177.
2. Хренова И. В. К вопросу о социальной обусловленности установления и дифференциации уголовной ответственности за превышение полномочий частным детективом и частным охранником // Образование. Наука. Научные кадры. 2023. № 1. С. 199–204.
3. Шишкина Е. В., Дорогин Р. В. Особенности участия частных охранных организаций в охране общественного порядка и обеспечении общественной безопасности // Известия Саратовского военного института войск национальной гвардии. 2022. № 2 (7). С. 114–120.
4. Киселев Д. А. Особенности правового статуса частных охранных организаций // Инновации. Наука. Образование. 2022. № 51. С. 508–514.
5. Матюхин А. А., Комаров В. С., Ревнов Б. А. К вопросу о статусе учредителя (участника) частной охранной организации // Теория государства и права. 2022. № 3 (28). С. 151–176.
6. Батуров Т. М. Частные охранные организации в Российской Федерации: понятие, правовая основа и проблемы // Ученые записки. 2021. № 1 (37). С. 100–105.
7. Закомолдин Р. В., Кондратюк С. В. Критерии выбора обстоятельств, используемых в качестве квалифицирующих преступление признаков // Гуманитарные балканские исследования. 2019. Т. 3. № 3 (5). С. 116–120.
8. Кондратюк С. В., Румянцев П. А. Система и системность использования квалифицирующих признаков преступления // Гуманитарные балканские исследования. 2019. Т. 3. № 3 (5). С. 112–115.
9. Рясов А. В. Признак «использование служебного положения» и его уголовно-правовая оценка по уголовному законодательству России : 12.00.08 : дис.... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2010. 212 с.
10. Агапов П. В., Безверхов А. Г. «Использование служебного положения» как квалифицирующий признак общеуголовных преступлений // Следователь. 2001. № 2. С. 2–5.
11. Закомолдин Р. В., Кондратюк С. В. К вопросу о нормативном определении понятия и сущности квалификации преступлений // Гуманитарные балканские исследования. 2020. Т. 4. № 1 (7). С. 89–92.
12. Дуюнов В. К., Кондратюк С. В. О дифференциации ответственности в российском праве и в уголовном законодательстве: понятие, природа, статус и значение // Вопросы российского и международного права. 2019. Т. 9. № 11-1. С. 201–214.
13. Волков К. А. Квалификация превышения полномочий частным детективом или работником частной охранной организации // Законность. 2016. № 4 (978). С. 49–53.
14. Юношев С. В., Кондратюк С. В. Проблема асимметрии процессуальных возможностей стороны обвинения и стороны защиты в доказывании // Гуманитарные балканские исследования. 2020. Т. 4. № 4 (10). С. 61–64.
15. Морозов В. И., Еремина А. А. К вопросу о квалификации превышения

полномочий работниками частных охранных организаций или частными детективами: законодательство и судебная практика // Конституционализация отраслевого законодательства Российской Федерации : материалы Всероссийской научно-практической конференции с иностранным участием, г. Тюмень, 22-23 октября 2021 г. / отв. ред. Л. В. Зайцева. Тюмень : ТюмГУ-Press, 2022. С. 326–333.

16. Антикриминальная политика государства: блок криминологической профилактики / С. В. Кондратюк, А. М.

Моисеев, Т. Н. Иванова, И. В. Цветкова // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2023. Т. 12. № 2 (43). С. 87–95.

17. Борисов С. В., Чугунов А. А. Актуальные проблемы уголовной ответственности за превышение полномочий частным детективом или работником частной охранной организации // Вестник экономической безопасности. 2021. № 5. С. 34–41.